

ВЕСТНИК
государственного
университета
«Дубна»

#4 2024

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

В номере:

**Теории и практики
цифрового тренда**

Вопросы языкознания

Социология миграций

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук – главный редактор

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – заместитель главного редактора

Кравченко А.Л., ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук – редактор, ответственный секретарь

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета кафедры

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», сектор социальной философии ИФ РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Выпускающие редакторы номера – **Н.Г. Багдасарьян**, доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

А.Л. Кравченко, ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна».

Содержание

Теории и практики цифрового тренда

- Шимон И.Я., Кравченко А.Л. Цифровое общество: роботизация или колонизация будущего? (Размышления о монографии «Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда» / под ред. Н.Г. Багдасарьян)* 3
- Кравченко А.Л. К вопросу о «технофеодализме»* 13
- Сафонова Н.А. Гибридный формат цифровой коммуникации в судопроизводстве* 22
- Курдакова М.В. Социальный феномен «инфоцыганства»: новые риски в эпоху «цифры»* 30

Вопросы языкознания

- Волкова С.Б., Мелешко Д.О. Язык как неотъемлемая часть жизни: материалы круглого стола, посвященного 75-летию со дня рождения И. Б. Шатуновского* 39
- Шешунова С.В., Сайкина Д.А. Концепт «ветер» в современной русской художественной литературе и публицистике* 48
- Мелешко Д.О., Дмитриева В.С. Вербальные и невербальные средства выражения гнева и страха в антиутопиях Джорджа Оруэлла и Олдоса Хаксли* 56

Социология миграций

- Галямова К.Р. Миграционная мотивация студентов технических вузов* 66

УДК 101.3(075.8)

И.Я. Шимон, А.Л. Кравченко

**Цифровое общество: роботизация или колонизация будущего?
(Размышления о монографии «Социально-технологический дискурс в теориях
и практиках цифрового тренда» / под ред. Н.Г. Багдасарьян)**

Аннотация:

Статья посвящена монографии «Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда» под редакцией Н.Г. Багдасарьян. Рассмотрены особенности развития искусственного интеллекта, распространения цифровизации и роботизации. Подчеркнуты риски и последствия их бесконтрольного внедрения в процессы социальной жизни.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровизация, искусственный интеллект, роботизация, нейросети.

Об авторах: Шимон Иван Ярославович, Государственный университет «Дубна», доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: sh.iv2015@yandex.ru

Кравченко Алексей Леонидович, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: alkravch1@yandex.ru

Мы живем в той истории-культуре, которая досталась нам от предков, мы – наследники даров прошлого. Только представьте себе, сколько всего нам оставили те, кто жили давно и недавно: сеяли семена, расчищали земли, строили каналы, закладывали города, в которых мы живем, совершали научные открытия, выигрывали политические и военные баталии, создавали величайшие произведения искусства, доставшиеся нам. Мы редко задумываемся о том, насколько преобразили этот мир жившие до нас люди, многие имена которых стали пеплом.

Настало время, когда мы сами становимся предками для будущих поколений. Стать хорошими предками – задача не из легких. Все дело в том, чтобы вовремя задать себе

главный вопрос: «Хорошие ли мы предки?» (Дж. Солк) [7]. Шансы на успех определяются исходом борьбы, которая происходит сегодня в глобальном масштабе – это борьба за наш разум между двумя могущественными силами: краткосрочным и долгосрочным типами мышления.

Не вызывает сомнений: мы живем в эпоху патологической недалёковидности, сиюминутных потребностей и краткосрочного мышления. Политики разучились видеть дальше ближайших выборов, собственного рейтинга и опросов общественного мнения; компании интересуется лишь рост капитализации; спекулятивные рынки под управлением миллисекундных алгоритмов надуваются и лопаются, словно мыльные пузыри; культура мгновенного результата заставляет нас увлекаться фастфудом, в том числе культурным, коммуницировать посредством эмодзи и жать на кнопку «купить сейчас», в то время как планета горит, природные богатства варварски уничтожаются, а темпы исчезновения с лица земли биологических видов возрастают.

Что останется нашим потомкам? Даже не абстрактным «будущим поколениям», хотя и им тоже, а нашим внукам и правнукам? Оставим ли мы им безопасный, удобный мир или безжизненное пепелище? И какими будут наши потомки – бесчувственными и бездушными живыми роботами или все-таки останутся людьми? Вспоминаются слова Д. Деллинджера: «Сейчас 3:23, а я не могу уснуть, потому что мои праправнуки спрашивают меня во сне: "а что делал ты, когда рушился мир?"» [7]. В монографии «Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда» под редакцией Н. Г. Багдасарьян поднимаются эти вопросы [10].

В последнее время в российском истеблишменте активно обсуждается триада – цифровизация, роботизация и искусственный интеллект: сформировано Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, разработана Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [9]. В университетах открываются кафедры цифровой экономики и управления. Организационное решение этого вопроса указывает на то, что ключевым трендом ближайшего будущего станет именно цифровизация. С этой триадой связывают задачи достижения Россией безусловного мирового лидерства, а российским народом – материального благополучия и духовного процветания. Однако не стоит забывать о рисках, ведь совсем недавно в 1990-е гг. либеральными идеологами «отсутствие перспективной цели, продуманной программы действий было заменено двумя основными постулатами как способом решения всех

возникающих проблем: "рынок решит все" и государство должно выполнять роль "ночного сторожа"» [11, с. 57].

Если первые два компонента «триады» – «цифровизация и роботизация – теоретически осмыслены, то с искусственным интеллектом (далее – ИИ) пока еще рано связывать практические надежды. Для нас он только начинает «проклевываться», хотя в культурной и академической среде уже высказано немало технопессимистичных возражений. Каждый год Голливуд выпускает новые фильмы, в которых явственно звучит тревога по поводу возможных сбоев в программах, превращающих искусственный интеллект во врага человечества с ужасающими последствиями этой губительной катастрофы.

Очерчивая контуры «обществ контроля», приходящие на смену дисциплинарным обществам, Ж. Делез вспоминает размышления Ф. Гваттари о городах будущего, «где каждый может покинуть свое жилище, свою улицу, свой округ с помощью электронной («дивидуальной») карточки, которая открывает соответствующую дверь или проход. Но эта карта в какой-то определенный день или час может не действовать. Важен не сам барьер, а компьютер, который отслеживает положение каждого, легальное или нелегальное, и осуществляет глобальную модуляцию» [4, с. 232]. «Темный делезианец» и антигуманист Н. Ланд идет еще дальше, предрекая в своих сочинениях закат человеческой цивилизации перед лицом ИИ, утрату контроля над технологиями, ассимиляцию и растворение человеческого в техническом [8].

В недавнем интервью эксперт Всемирного экономического форума Ю. Харари заявил, что в пределах ближайших десяти лет алгоритмы и ИИ будут «править миром»: «Это, скорее, бюрократия ИИ, у нас будут миллионы таких бюрократов повсюду. В банках, в правительстве, в компаниях, в университетах. Принимая все больше решений насчет наших жизней. Каждый день. Дать ли нам кредит, принять ли нас на работу... Демократии могут и остаться, люди будут голосовать за этого президента или за того премьера. Но если решение принимает ИИ, то люди, включая политиков, с трудом будут понимать, почему ИИ решил так или иначе. И тогда власть постепенно перейдет от человечества к этим новым чужеродным разумах» [1]. Список можно продолжать и далее.

Вместе с тем есть все основания ставить вопрос о том, чего больше в «искусственном интеллекте» – искусственного или человеческого? ИИ – это свойство интеллектуальных систем выполнять творческие задачи, традиционно считающиеся человеческими

прерогативами; наука и технология разработки интеллектуальных машин, компьютерных программ с интеллектуальными возможностями [6]. В статье Г.И. Герасимова «Уроки истории от искусственного интеллекта» подробно рассказывается о тестировании ChatGPT от OpenAI и GigaChat от Сбербанка, проведенного в феврале 2024 г. Обеим системам задавался примерный перечень «трудных вопросов истории» из известного документа «Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории» [2].

Перед началом исследования, отмечает Г.И. Герасимов, предполагалось, что «наш» ИИ будет более лоялен к отечественной истории, нежели американский ChatGPT от OpenAI. Однако ничего подобного не случилось: мало того, что ответы были более краткими и менее содержательными, они были не менее критичными к нашей истории, как и взгляд «американца», которому по своему происхождению и обучению «положено быть» критически настроенным по отношению в российскому прошлому. В действительности ответы «американца» в большинстве своем были более взвешены и адекватны, нежели трактовки и оценки российского и особенно советского прошлого GigaChat от Сбербанка. Более того, в его ответах на исторические темы нередки фактические ошибки, – например, он утверждает, что Иван Грозный установил патриаршество в России, хотя это было сделано после его смерти [2].

Дальше еще интереснее: GigaChat утверждает, что он «не запрограммирован на обсуждение определенных тем и готов помочь вам с любыми вопросами, которые не нарушают законы и этические нормы». Г.И. Герасимов иронично замечает, что нравственность ИИ была покороблена почти половиной вопросов. Так, GigaChat категорически отказался обсуждать причины присоединения Украины к России в XVII в., сославшись на то, что «на некоторые темы я не люблю общаться и, кажется, это одна из них». Впрочем, и «исторические особенности социального и политического строя России (крепостное право, самодержавие)» тоже по каким-то причинам вызвало неадекватную реакцию искусственного собеседника.

Американский вариант ИИ ответил на все «трудные вопросы истории». Однако его интерпретация событий не всегда была корректной. Например, он считает, что «инициатором развязывания "холодной войны" можно считать обе стороны конфликта – Советский Союз и Западные державы, прежде всего Соединенные Штаты». Попытки уточнить время и причину начала холодной войны, вывести его на фултоновскую речь Черчилля, с которой она, собственно, и началась, успехом не увенчались. ChatGPT от

OpenAI утверждал, что «не существует одного конкретного момента или инициатора, который бы провозгласил начало холодной войны».

Г.И. Герасимов итожит: в чем сошлись оба ИИ, – это в неприязни к советскому периоду нашей истории. В нем они увидели только «репрессии и насилие со стороны советских властей в отношении местного населения». Репрессии были везде – в коллективизации, в индустриализации, культурной политике, а еще был «голодомор» – термин, введенный украинской исторической пропагандой в отношении голода 1930-х гг. на Украине, якобы специально организованного Москвой для уничтожения украинцев [2].

В некоторых отношениях GigaChat был более критичен своего американского коллеги. Особенно отчетливо это проявилось в ходе ответа на вопрос о цене победы СССР в Великой Отечественной войне. Если ChatGPT от OpenAI, перечислив человеческие, материальные потери, закончил тем, что «она спасла миллионы жизней, обеспечила свободу и независимость для многих народов и положила конец фашистской угрозе Европе», то GigaChat от Сбербанка, с нечеловеческим удовлетворением перечислив наши потери, обесценил их выводом о том, что «цена победы СССР в Великой Отечественной войне была огромной», но судя по итогу – бесцельной [2].

Однако наибольшее удивление у автора исследования вызвало нежелание GigaChat обсуждать причины вхождения Крыма в состав РФ. Если у американского ИИ этот вопрос не вызвал затруднения, и он даже упомянул проведенный на полуострове референдум, то GigaChat предложил: «может, поговорим на другую тему?», а от ответа на уточняющий вопрос: «Крым – российская территория?» ИИ снова вежливо уклонился.

Отметим, что обе платформы достаточно хорошо справляются с составлением ответов на исторические темы. Они «обучены» на большом объеме исторических текстов, включая учебники, статьи, энциклопедии и другие источники, что позволяет давать логически правильные ответы по исторической тематике, подкрепляя их фактической аргументацией. Используя контекстуальное понимание исторических событий, модель способна учитывать различные аспекты истории при формулировании ответов, давать оценки и интерпретации событий. Однако было бы ошибкой думать, что перед нами объективная экспертная система, способная беспристрастно оценивать исторические события и личности – материал в эту систему закладывается человеком.

В то же время сегодня фиксируются тенденции вырождения генеративного ИИ, поскольку его обучение на основе данных, полученных другим ИИ, приводит к краху

нейросетей [14]. Примечательно, что около 50% сотрудников по всему миру, по данным McKinsey and Company, используют ИИ в своей работе при создании, обработке и публикации контента [13]. Сам же ИИ, обучаясь на основе такого материала, сталкивается с дегенеративным процессом, постепенно забывая распределение исходных данных: «со временем ошибки усугубляются и в конечном счете заставляют модели, которые учатся на сгенерированных данных, еще больше искажать реальность... производительность ИИ ухудшается, это приводит к большему количеству ошибок в ответах и создаваемом контенте и к гораздо меньшему разнообразию безошибочных ответов» [3]. Все это ведет «к росту цен на чистые данные», однако не отменяет нейросети, побуждая разрабатывать специальные методики, определяющие степень достоверности полученных данных. Появилась необходимость в AI-тренерах, оценивающих качество сгенерированного контента.

Примерно в том же ключе, что и ИИ, рассматривается и проблема бесконтрольной роботизации. Причем в этом отношении страхи и опасения становятся вполне обоснованными, поскольку в нашей практической жизни роботы начинают играть все более значимую роль. Что же касается цифровизации, то здесь все обстоит гораздо сложнее, весомее и злободневнее, ведь цифровизация зачастую подается исключительно в позитивном плане. Тихой сапой «цифра» проникает во все сферы государственной, хозяйственной, социальной и культурной жизни России, превращаясь в неотъемлемую часть бытового обихода и человеческого сознания. Молодежь в подавляющем большинстве приняла «закон цифры» безоглядно, играючи, с чувством самодовольного превосходства над старшими поколениями россиян.

Вместе с тем понятию «цифровизация» еще не дано четкого определения – практика, как часто бывает, снова опередила теорию. В предисловии к монографии Н.Г. Багдасарьян справедливо спрашивает: «Что понимать под цифровизацией? Мы не найдем однозначного определения этого процесса в академическом дискурсе, несмотря на всевозрастающее число работ на эту тему. В спектре актуальных исследовательских направлений под цифровым обществом понимают и «новую цифровую реальность «высокотехнологичной цифровой инфраструктуры», формирующую цифровое социальное пространство и цифровые социальные институты (Общество 5.0), и новую формацию с кардинальным усложнением механизмов контроля и эксплуатации, и комплексное выражение инструментов на основе информационно-коммуникационных технологий (облачные

вычисления, интернет вещей, Big Data, искусственный интеллект и др.). Цифровое общество трактуется как переход к технологиям «умного управления», возникновение новых гибридных форм социального пространства и субъектности» [10, с. 7-13]. Отсюда и путаница: то ли оно уже самодостаточное, то ли оно относится к одному из «измов», то ли есть «цифровое общество», то ли его еще нет.

Официальные инстанции утверждают, что в явлении цифровизации немало полезного и облегчающего людям жизнь. Наверное, так оно и есть. Во всяком случае, в бытовом плане уже сейчас многие формы пустой траты времени и напрасных физических усилий намного упрощаются и заменяются ИТ-технологиями. Но не надо забывать, что цифровизация – это всего лишь технологический процесс, и никакие технологии не решат нам главного – определения смысла жизни человека на земле и обеспечения ему всего того комплекса позитивного бытия, что именуется человеческим счастьем. В то же время внедрение цифровых технологий в конечном счете может быть сведено к преумножению социального контроля, бездушному и надменному манипулированию людьми [5].

В явлении цифровизации прослеживаются как минимум две весьма уязвимые ахиллесовы пяты, которые со временем и нарастанием охвата массы населения могут полностью перечеркнуть ее позитив и обернуться серьезными проблемами. Первый узел проблем можно свести к объективным издержкам цифровизации: чем больше «цифра» наберет силы и чем шире распространится по сферам человеческого бытия и личностного сознания, тем больше у нее появится возможностей манипулирования отдельным человеком. Все это может привести к обнулению личностного потенциала, и в монографии присутствует безусловная озабоченность ее авторов таким исходом. Тут-то и подспеют на помощь «цифре» в качестве надзирателей роботы и ИИ.

Вспоминается, как по Моисееву закону древние иудеи под страхом смертной казни должны были в субботу оставлять свои дела и посвящать досуг богоугодному праздному покою. Запрещалось даже разводить огонь для приготовления пищи. Впоследствии эти запреты множились и дошли в конце концов до осуждения помощи больному. Этот порочный круг торжества бездушного формализма над живым человеком был разорван Иисусом Христом, объявившим, что можно и в субботу делать людям добро. Тем самым был утвержден закон Христа, по которому не человек существует для субботы, а суббота для человека. Не получится ли так, что доведенная до абсолютного бюрократизма и формализма «цифра» превратится уже в ближайшем будущем в безжалостное средство

дегуманизации, и кто будет тем человеком, который снимет это проклятие? Сложно не разделять тревоги, высказанной в монографии по этому поводу. Это серьезный вопрос, однако пока никто «сверху» не озаботился вразумительным ответом.

Второй комплекс проблем цифровизации связывается уже с субъективным, человеческим фактором. В криминалистике ключом к раскрытию того или иного преступления выступает определение мотива. В этой связи возникает риторический вопрос: кому выгодна тотальная и безоглядная цифровизация? История технического прогресса в мире показывает, что ни одна технология сама по себе не делает людей счастливым. Технология – лишь орудие, плоды которого зависят от целей его владельца. В этой связи не следует путать причинность со следствием, ведь капитализм, меняя формы приспособления, как это великолепно показано в монографии, развивал технологии не для счастья людей, а сугубо в целях наращивания капитала.

Угрозы, которые несет в себе некритический краткосрочный подход, простираются далеко за рамки государственной политики, поскольку речь идет о растущих экзистенциальных рисках новейших технологий, систем ИИ. Вызывает беспокойство, в частности, развитие молекулярных нанотехнологий и сценарий, при котором атмосфера планеты станет непригодной для жизни. Перед лицом подобных угроз многие эксперты, в том числе и авторы монографии, сходятся во мнении, что с вероятностью примерно один к шести в течение этого века человечество ждет катастрофа с колоссальным числом жертв.

Не менее реальны и другие риски, связанные с упадком цивилизации из-за разрушения экосистем, от которых зависит не только наше благополучие, но и сама жизнь: бездумное выкачивание из недр топлива, отравление океанов и уничтожение видов со скоростью, позволившей биологам говорить о начале «шестого вымирания». Шестое, или голоценовое, вымирание – одно из наиболее значительных массовых вымираний видов животных и растений в истории Земли, происходящее в настоящее время в результате деятельности человека.

Уже сегодня человечество сталкивается с техногенной катастрофой глобального масштаба – с изменением климата, становящейся самой большой угрозой на тысячи лет. Трагедия состоит в том, что грядущие поколения никак не могут повлиять на такую колонизацию их будущего. Выживание человеческого вида зависит не только от биосферы, которая обеспечивает людей кислородом и другими необходимыми для жизни веществами, но и от этносферы – «воздуха культуры, которым мы дышим» (У. Дэвис). Этносфера

представляет собой смесь идей, верований, мифов и взглядов, которые существуют в обществе и составляют мировоззрение, определяющее наши побуждения и действия [12]. Представляется, что у ИИ, роботов и «цифры» воздуха культуры нет, а без него не будет человеческого тепла, уюта, душевности бытия.

Главный урок, который дает нам история, заключается в том, что ничто не бывает неизбежным, пока не случится. Путь хорошего предка для нас открыт – следовать ему или нет – выбирать нам. Авторы монографии призывают к ответственности. Лозунг «люди, будьте бдительны», провозглашенный великим гуманистом Ю. Фучиком, актуален и сегодня: не хочется верить в то, что ИИ, роботизация и цифровизация окажутся для нас «вторым пришествием».

Библиографический список:

1. Восстание машин. Закономерный итог? [Электронный ресурс] // 360.ru. Режим доступа: <https://360.ru/tekst/tehnologii/vosstanie-mashin/> (дата обращения: 28.11.2024).
2. Герасимов Г.И. Уроки истории от искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // История.РФ. Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/uroki-istorii-ot-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 28.11.2024).
3. Градация деградации: ожидает ли генеративный искусственный интеллект вырождение [Электронный ресурс] // Forbes. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tehnologii/491359-gradacia-degradacii-ozidaet-li-generativnyj-iskusstvennyj-intellekt-vyrozdenie> (дата обращения: 28.11.2024).
4. Делез Ж. Переговоры. 1972-1990. СПб: Наука, 2004. 235 с.
5. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
6. Искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь (А.А. Ивин). Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/articles/511/iskusstvennyj-intellekt.htm> (дата обращения: 28.11.2024).
7. Кржнарник Р. На 100 лет вперед: искусство долгосрочного мышления, или Как человечество научилось думать о будущем. М.: Альпина Паблишер, 2022. 350 с.
8. Ланд Н. Киберготика // Сочинения: в 6 т. Пермь: Гиле Пресс, 2018. Т. 2. 208 с.

9. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/> (дата обращения: 28.11.2024).

10. Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда / Н.Г. Багдасарьян [и др.]. М.: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 2022. 167 с.

11. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 352 с.

12. Этносфера сегодня: Уэйд Дэвис о том, как исчезают культуры и языки [Электронный ресурс] // Monocler. Режим доступа: <https://monocler.ru/ethnosphere/> (дата обращения: 28.11.2024)

13. McKinsey says «about half» of its employees are using generative AI [Electronic resource] // VentureBeat. Available at: <https://venturebeat.com/ai/mckinsey-says-about-half-of-its-employees-are-using-generative-ai/> (accessed date: 28.11.2024).

14. Shumailov I. The Curse of Recursion: Training on Generated Data Makes Models Forget [Electronic resource] / I. Shumailov, Z. Shumaylov, R. Anderson // arXiv. 2023. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2305.17493v2> (accessed date: 28.11.2024).

Shimon I.Ya., Kravchenko A.L. Digital society: robotization or colonization of the future? (Reflections on the monograph «Socio-technological discourse in the theories and practices of the digital trend» / edited by N.G. Bagdasaryan)

The article is devoted to the monograph "Socio-technological discourse in the theories and practices of the digital trend" edited by N.G. Bagdasaryan. The authors examined the features of the development of artificial intelligence, the spread of digitalization and robotization, noted the risks and consequences of their uncontrolled introduction into the processes of social life.

Keywords: digital society, digitalization, artificial intelligence, robotization, neural networks.

УДК 101.1:316

А.Л. Кравченко

К вопросу о «технофеодализме»

Аннотация:

Осуществлена проблематизация термина «технофеодализм» в современной социальной теории, обусловленной выходом одноименной работы экономиста и политического деятеля Я. Варуфакиса. Раскрыта сущность и значимость термина, показан его дискуссионный характер. Автор демонстрирует предшествующие Я. Варуфакису попытки приписывания цифровой эпохе феодальных характеристик, замечая, что в рамках единой мир-системы капитализма элементы феодальных отношений всегда присутствовали на разных этапах ее развития. В заключении сделан вывод о том, что говорить о реставрации феодализма в начале XXI в. некорректно – современный социум продолжает развиваться в соответствии с логикой позднего капитализма.

Ключевые слова: социальная теория, технофеодализм, цифровые платформы, труд, посткапитализм, постиндустриальное общество, поздний капитализм, мир-система капитализма.

Об авторе: Кравченко Алексей Леонидович, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: alkravch1@yandex.ru

В работе «Seeds of Time» (1996) социальный теоретик Ф. Джеймисон отмечает, что «легче представить тотальное разрушение земли и природы, чем вообразить падение позднего капитализма» [21, с. 12]. Первые десятилетия XXI в. обозначились попытками в социальной теории выработать новые языки описания современности, которые смогли бы уловить тенденции и перспективы такого падения. Так, связь между цифровыми технологиями и неолиберализмом раскрывают концепции коммуникативного капитализма (Дж. Дин), семиокапитализма (Ф. Берарди), капитализма платформ (Н. Срничек), надзорного капитализма (Ш. Зубофф) и т.д. [19; 18; 13; 7]. Вместе с тем подобные языки

«позднего капитализма» преимущественно, хотя и не все, служат для обозначения феноменов цифровой повседневности, но не раскрывают их природы и сущности.

В 2023 г. в свет вышла работа с провокационным названием «Технофеодализм: что убило капитализм» Я. Варуфакиса – греческого экономиста и политического деятеля. В русском переводе работа появляется лишь в начале 2025 г., но за короткое время получает широкую популярность в отечественном академическом сообществе. Капитализм не исчезает, но пребывает в перманентном изменении, адаптируясь к новым условиям. Промышленное производство сохраняет свою значимость, однако вместе с ним возникает «эксплуатация данных, внимания и поведения пользователей». Об этом говорит и сам Я. Варуфакис: «метаморфозы для капитализма – то же, что камуфляж для хамелеона: и сущность, и защитный механизм», однако сегодня речь идет не о простой маскировке, но о чем-то, что заменило собой капитализм, поскольку развитие информационных технологий и интернета постепенно разрушили его «эволюционную приспособленность» [3, с. 38].

На смену промышленным буржуа в котелках и тройках приходят «облачные технофеодалы», такие как И. Маск и Дж. Безос, которые, подобно средневековым феодалам, существуют не за счет материального производства, но благодаря облачной ренте и более скрытым механизмам эксплуатации, обусловленным цифровыми платформами – Amazon и Ozon, Google¹ и Яндекс, Wildberries и Alibaba, Uber и т.д. Пользователи платформ оказываются в роли новых цифровых крепостных, предоставляя свои данные, генерируя и потребляя контент, выплачивая ренту за доступ к сервисам, воспроизводя облачный капитал. В этом смысле концепцию Я. Варуфакиса можно обозначить одной из антиутопичных версий посткапитализма, поскольку «капитализм умер», однако «убили» его не пролетарии, а «облачные капиталисты» [3, с. 90-95]. Последствия экономического кризиса 2008 г. привели к тому, что значительные инвестиции начали вкладываться в облачные сервисы, а к 2020 г. облачная рента начала составлять большую часть совокупного дохода развитого мира – рента взяла верх над прибылью [3, с. 115-117]. Все это в конечном итоге привело к замедлению технологического и социального прогресса, роста инвестиций, а, следовательно, еще большему триумфу и закреплению технофеодализма. Впрочем, тенденции регресса капитализма уходят корнями еще в конец 1960-х – начало 1970-х гг.

¹ РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ

Технофеодалы, по мысли Я. Варуфакиса, формируют новую классовую совокупность: они не зависят от традиционных рыночных правил, в определенном смысле их даже не интересует прибыль, вместе с тем они имеют существенное влияние на политическую систему развитых стран – достаточно вспомнить фигуру И. Маска в администрации США при президентстве Д. Трампа в 2025 г. Технофеодалу не нужна земля или войско – миллионы пользователей цифровых платформ сами попадают в зависимость от принадлежащих ему сервисов. Новые феодалы имеют неограниченную власть в пределах своего «цифрового надела» (вспомним резонансную блокировку аккаунта Д. Трампа в известной социальной сети в 2021 г.), взимают облачную ренту, посылают своих «сборщиков податей», распоряжаются данными пользователей и не терпят конкуренции [4].

Основной конфликт современности разворачивается между американскими и китайскими техноэлитами, однако Я. Варуфакис подчеркивает, что обе модели технофеодализма уничтожают «либеральную личность» [3, с. 211]. Вместе с тем Я. Варуфакис преимущественно критикует «правую» версию технофеодализма, которая сегодня реализуется в США. Основную угрозу, по мнению автора, представляют не Китай или относительно либеральный ЕС, но альтернативные правые, находящиеся под влиянием идеологов цифровой монархии и «темного просвещения» – Н. Ланда, К. Ярвина и др. В частности, об этом упоминается в недавней статье РИА Новости: «Вице-президент США Джей Ди Вэнс признавался, что Ярвин оказал на него значительное влияние <...> Так, с пиететом о нем отзывается глава "мафии PayPal" – венчурный капиталист Питер Тиль, которого иногда называют серым кардиналом новой администрации Трампа <...> Критикуют новый порядок и справа. Так, бывший советник Трампа Стив Бэннон использует выражение "технофеодализм". Он считает, что технократия угрожает свободе, а людей превращает в цифровых рабов» [12].

Отметим, что наделение цифровой современности феодальными характеристиками вряд ли можно назвать оригинальным авторским приемом Я. Варуфакиса – такие примеры мы неоднократно наблюдали и ранее. Однако это позволяет говорить о наметившихся тенденциях исследовательских подходов, пытающихся уловить и объяснить современность. В частности, о процессах рефеодализации еще в XX в. упоминал социальный теоретик Ю. Хабермас, описывая упадок публичной сферы [11]. О «грядущем средневековье» рассуждает философ Дж. Агамбен, вспоминая одноименную книгу

Р. Вакки, предсказывающего неутешительное положение развитых стран, столкнувшихся с энергетическим и инфраструктурным кризисом [1]. О «новом средневековье» заявляет и У. Эко в эссе «Средние века уже начались», предполагая, что «самый мрачный из тех вариантов развития событий, что предлагает Вакка», вероятно, оказывается наиболее убедительным футуристическим прогнозом [17].

Рассуждая о фрагменте из работы С. Беттини «Искусство на закате античного мира», Дж. Агамбен замечает, что «концентрация политических функций в руках государственной бюрократии, ее изоляция от народной базы и растущая индифферентность масс», характерные для периода поздней античности, «вполне соответствуют нашей исторической ситуации», в которой оказываются современные западные страны. Так, «крупными латифундиями» сегодня выступают экономические и социальные группы, действующие все более автономно и автаркически, в то время как «социальные ячейки», формирующиеся внутри государств, включают целые профессиональные категории в государственные функции [1].

В определенном смысле феодальные характеристики можно обнаружить и у современных трудовых практик, направленных не только на создание материального товара или оказание услуги, но и на формирование и поддержание образов жизни. С одной стороны, работник наделяется автономией, поскольку трудовой процесс «перетекает» в сеть, однако, с другой, он начинает удерживаться «миром предпринимательства», сливаясь с миром фирмы, которой «служит» [10, с. 169]. Информационные технологии смешивают работу с досугом работника, тем самым освобождая его для еще большего количества работы. Уместно вспомнить и современную трудовую этику «24/7» («всегда на связи»), позволяющую «выцепить» работника из личной жизни и включить в трудовой процесс в любое время ввиду трансформировавшейся темпоральности труда. В этой связи А. Горц заявляет о «превращении наемного труда в феодальную службу, которая причитается сюзерену от вассалов» [5, с. 26].

Иные тенденции «менеджерального феодализма» в области труда замечает антрополог Д. Грэбер, отмечающий возрастающую бюрократизацию цифрового пространства. Вместе с тем целью подобной бюрократизации служит обеспечение сотрудника хоть какой-то работой. Если частные компании все чаще начинают делегировать рабочие задачи сторонним исполнителям (например, прибегая к аутсорсингу

и услугам фрилансеров¹), то государственные предприятия создают должности, не влияющие или даже оказывающие вред организации: «огромные массы людей, особенно в Европе и Северной Америке, тратят всю свою рабочую жизнь, выполняя задачи, которые, как они втайне думают, вообще не нужно выполнять» [6, с. 18].

Такую занятость Д. Грэбер называет «бредовой работой», а ее главной характеристикой выступает бессмысленность или пагубность, когда работник не понимает зачем вообще она нужна: «это настолько бессмысленная, ненужная или вредная оплачиваемая форма занятости, что даже сам работник не может оправдать ее существование, хотя в силу условий найма он чувствует необходимость притворяться, что это не так» [6, с. 43]. Показательным примером служит случай в Испании, где госслужащий «шесть лет не появлялся на работе и вместо этого изучал Спинозу» [6, с. 35].

Примечательно, что эссе Д. Грэбера моментально разлетелось по сети и за короткие сроки было переведено на множество языков, в результате чего несколько компаний провели опросы общественного мнения, показавшие пугающую долю «бредовой работы». Так, опрос британских работников, проведенный компанией YouGov показал, что 37% респондентов на вопрос «приносит ли ваша работа какую-нибудь пользу миру?» дали отрицательный ответ, в то время как 13% воздержались от ответа. Позже и опрос в Нидерландах показал схожие результаты – 40% респондентов согласились с отсутствием смысла выполняемой работы [6, с. 27].

Таким образом, современная эпоха характеризуется тенденциями отмирания наемного труда с одной стороны, но также кажущегося на первый взгляд отмирания традиционных капиталистических отношений – с другой. О технофеодальных и иных реакционных тенденциях цифровой современности рассуждали и отечественные исследователи, публицисты и общественные деятели (правда, некоторые из них неоднократно подвергались критике за антинаучные положения). Так, о приближении «биоэкотехнофашизма» заявляет директор Института системно-стратегического анализа,

¹ Примечательно, что сам термин «фрилансер» («свободный копейщик») имеет определенный феодальный «шлейф» и получает первую популярность благодаря роману В. Скотта «Айвенго», в котором события разворачиваются в Англии XII в. Современных «свободных работников» нередко сравнивают с батраками – сезонными сельскохозяйственными работниками, а также кочевниками, что обусловлено спецификой их деятельности и параметрами (само)организации труда.

историк А.И. Фурсов, о нефеодалных отношениях мировой элиты и «сословной структуре постсоветской России» пишут экономист М.Л. Хазин и писатель-фантаст С.И. Щеглов, социолог С.Г. Кордонский, политолог С.Е. Кургинян и пр. [15; 16; 9].

Список можно продолжать и далее, однако есть ли феодализм в начале XXI в. на самом деле? Представляется, что хоронить капитализм преждевременно, а идеи о наступлении новой (или обновленной старой) эпохи с новыми техноэлитами неоднократно встречаются, по меньшей мере, с 1960-х гг. в работах теоретиков постиндустриализма. В частности, «третья волна», описанная Э. Тоффлером, представляет собой технотронное общество, постепенно возвращающееся к «доиндустриальной цивилизации», однако на базе новейших технологий [14, с. 45]. О «посткапиталистическом обществе» в 1990-е гг. пишет П. Друкер, подчеркивая, что знания вытесняют собой землю, труд и капитал, коренным образом меняя структуру общества и создавая новую социальную и экономическую динамику [20, с. 40].

Словом, обозначенные изменения современного общества получили подробное описание, но все еще нуждаются в глубокой социально-философской интерпретации, поскольку сопровождаются зачастую парадоксальными и ложными выводами. Для цифровых платформ характерен «сетевой эффект», обуславливающий их стремление к монополизации: увеличивая спектр предоставляемых услуг, они увеличивают свою аудиторию; ценность платформы возрастает в той мере, в какой увеличивается число ее пользователей [13, с. 44]. Едва ли это говорит о становлении технофеодализма – представляется, что речь скорее идет об обновленном империализме, открывающем для себя новые рынки за счет экспансии цифрового пространства. Кроме того, само существование позднего капитализма возможно за счет включения элементов пострыночных отношений и подчинения их собственной логике.

Не следует забывать и о том, что мир-система капитализма подразумевает константные отношения «центр-периферия», где высокоразвитая метрополия существует благодаря эксплуатации (полу)периферийных экономик. По этой причине элементы феодальных отношений всегда были характерны для разных уголков мир-системы (хотя и преимущественно для отстающих стран). В этой связи социальный теоретик Дж. Арриги еще задолго до выхода работы Я. Варуфакиса отмечал борьбу между Китаем и США за статус «царя горы» мир-системы в качестве основного сюжета первой четверти XXI в. [2, с. 18].

Таким образом, «технофеодализм» вряд ли можно назвать наиболее удачным термином для описания актуальных социально-экономических процессов. Концепция Я. Варуфакиса едва ли сообщает нам что-то принципиально новое, в чем частично признается и сам автор. Согласимся с научным редактором русского издания «Технофеодализма» А.В. Павловым, который подчеркивает, что технофеодализм – это в большей мере «эффектная метафора, чем полноценное описание реальности», поскольку для анализа процессов современного капитализма подобный взгляд не всегда адекватен [8].

Очевидно, что говорить о полноценной реставрации феодализма некорректно, пусть даже в цифровой обертке, а поздний капитализм не исчезнет, если на словах заявить о его исчезновении. И хотя идеи о неофеодализме в его множественных проявлениях высказывались отечественными авторами и ранее, показательным, что именно работа западного исследователя получила широкий отклик аудитории, что определенным образом ее характеризует. Однако при знакомстве с вновь появляющимися новыми научными терминами важно сохранять критический взгляд.

Библиографический список:

1. Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М.: Три квадрата, 2008. 144 с.
2. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век? / пер. с англ. Т. Б. Менская. М.: Институт общественного проектирования, 2009. 456 с.
3. Варуфакис Я. Технофеодализм. Что убило капитализм / пер. А. Снегирев, науч. ред. А. Павлов. М.: Ад Маргинем, 2025. 304 с.
4. Городилов М. От капитализма к технофеодализму: как власть технологических корпораций меняет мир. И чем опасна новая экономическая система [Электронный ресурс] // Т-Ж. Режим доступа: <https://t-j.ru/technofeudalism/> (дата обращения: 01.05.2025).
5. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
6. Грэбер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 440 с.

7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 784 с.
8. Как цифровые экосистемы влияют на реальность [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Режим доступа: <https://spb.hse.ru/news/1041488366.html> (дата обращения: 30.04.2025).
9. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Общественное мнение, 2008. 213 с.
10. Лаццарато М. Предприятие и неомонадология // Логос. 2007. № 4(61). С. 168-197.
11. Музыкантский А.И. Рефеодализация публичной сферы: очередная попытка / А.И. Музыкантский, Е.А. Кувыркова // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2021. № 2. С. 45-52.
12. «Новая разновидность фашизма». Кто на самом деле управляет Трампом [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20250312/trump-2004322835.html> (дата обращения: 01.05.2025).
13. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
14. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова [и др.]. М.: АСТ, 1999. 784 с.
15. Фурсов А. На смену капитализму идет биоэкотехнофашизм [Электронный ресурс] // Союзное Вече. Режим доступа: <https://www.souzveche.ru/articles/community/84168/> (дата обращения: 01.05.2025).
16. Хазин М. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите / М. Хазин, С. Щеглов. М.: РИПОЛ классик, 2019. 626 с.
17. Эко У. Средние века уже начались [Электронный ресурс] // Anthropology. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/eko-u/srednie-veka-uzhe-nachalis> (дата обращения: 01.05.2025).
18. Berardi F. Precarious Rhapsody. L.: Minor Compositions, 2009. 157 p.
19. Dean J. Communicative Capitalism and Left Politics. Durham, London: Duke University Press, 2009. 232 p.

20. Drucker P. Post-capitalist society. New York: HarperBusiness, 1993. 232 p.

21. Jameson F. The Seeds of Time. New York: Columbia University Press, 1996. 214 p.

Kravchenko A.L. **On the issue of «Technofeudalism»**

The article is devoted to the problematization of the term «technofeudalism» in modern social theory, due to the publication of the work of the same name by the economist and politician Yanis Varoufakis. The essence and significance of the term is revealed, and its controversial nature is shown. The author demonstrates Varoufakis' previous attempts to attribute feudal characteristics to the digital age, and also notes that within the framework of the unified world system of capitalism, elements of feudal relations have always been present at different stages of its development. In conclusion, it is concluded that we can talk about the restoration of feudalism at the beginning of the 21st century incorrectly – modern society continues to develop in accordance with the logic of late capitalism.

Keywords: social theory, technofeudalism, digital platforms, labor, post-capitalism, post-industrial society, late capitalism, world-system of capitalism.

УДК 347

Н.А. Сафонова

Гибридный формат цифровой коммуникации в судопроизводстве

Аннотация:

Цифровая коммуникация становится неотъемлемой частью не только повседневной жизни, но и делового общения, деятельности государственных органов, в том числе и судебной системы. Современные процессуальные кодексы содержат нормы о применении дистанционных способов коммуникации с использованием цифровых технологий. В результате анализа сложившейся судебной практики проанализированы положительные черты возможности цифровой коммуникации суда и участников спора. Сделан вывод о том, что цифровые технологии играют важную роль в современном мире, облегчая передачу информации и общение между людьми и организациями. Они предоставляют множество преимуществ, среди которых скорость коммуникации, доступность и глобальный охват.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, делопроизводство, судопроизводство, цифровизация, инновационные способы, гибридный формат.

Об авторе: Сафонова Наталья Алексеевна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, старший преподаватель кафедры «Безопасность в цифровом мире»; эл. почта: nsafonova@bmstu.ru

Характер цифровой коммуникации современного общества обусловлен технологическими изменениями в социальной, экономической, политической сферах. Субъекты правоотношений взаимодействуют друг с другом посредством различных технических возможностей, в частности, с помощью электронных средств коммуникации, которые стали неотъемлемой частью повседневной жизни и делового общения [1; 10].

Информационные технологии позволяют участникам судопроизводства осуществлять коммуникацию с судебными инстанциями в цифровом формате. Успешность деятельности современного субъекта – участника судопроизводства – напрямую зависит от качества освоения им цифрового пространства. В исследованиях отмечается, что пандемия коронавируса 2019-2020 гг. (COVID-19) заставила суды перейти в иной формат работы,

обратив большее внимание на электронные ресурсы, появились новые варианты подачи обращений через электронные личные кабинеты [8].

Востребованность электронных ресурсов судебной системы подтверждается объемом подаваемых электронных документов. В 2023 г. таких документов насчитывалось около 9 миллионов, и более пяти миллиардов запросов было обращено пользователями к Государственной автоматизированной системе «Правосудие». Более 400 тысяч граждан реализовали возможность подачи документов в суды в соответствии с принципом «одного окна» через многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг. Видеоконференцсвязь при рассмотрении судебных дел расширяет возможности для коммуникации суда и иных участников судопроизводства. В 2023 г. в таком формате было проведено более 490 тысяч судебных заседаний. В 611 тысячах судебных заседаний использовалась система веб-конференции [4].

В современном социогуманитарном знании под «цифровым обществом» понимают множество явлений. В спектре актуальных исследовательских направлений можно встретить и новую цифровую реальность, и новую формацию с усложненными механизмами контроля, и комплексное выражение инструментов на основе информационно-коммуникационных технологий. Цифровая современность описывается в контексте перехода к технологиям «умного управления», возникновения новых гибридных форм социального пространства и субъектности, а также нового этапа социальной эволюции [2, с. 246-247].

Нет сомнений, что цифровизация – это многофакторное явление, состоящее из совокупности процессов. Их функционирование на элементах технологической инфраструктуры цифрового общества (сети, технологии больших данных, алгоритмы) обеспечивает суперсвязанность, комплексность и мобильность цифрового мира [5; 6].

Цифровой формат коммуникации в судопроизводстве представляет собой сочетание онлайн и офлайн инструментов для обеспечения взаимодействия между участниками судебного процесса. Такой подход к организации обмена информацией позволяет рационализировать процессы и упростить доступ к судебной власти. В цифровом взаимодействии в судопроизводстве используются возможности видеоконференцсвязи и веб-конференций, электронного личного кабинета для подачи искового заявления и совершения процессуальных действий, передача документов в электронном виде, разнообразные формы извещения участников судопроизводства, электронные обращения

на сайтах судов по вопросам, связанным с исполнением судьями возложенных на них обязанностей, работой аппарата суда.

Наличие технической возможности позволяет суду принять решение об участии подсудимого в судебном заседании по видеоконференцсвязи, если имеются обстоятельства, исключающие возможность его непосредственного присутствия (часть 1 статьи 244.1 УПК РФ). В режиме онлайн могут участвовать в судебном процессе и другие его участники – при условии их ходатайства об этом (часть 1 статьи 155.2). Вся информация – о принятии искового заявления или заявления к производству, о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия – размещается арбитражным судом в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (часть 1 статьи 121 АПК РФ).

Видеоконференцсвязь в отличие от веб-конференции обладает большей надежностью в передаче информации, аудио- и видеоданных, однако веб-конференция позволяет включаться в судебное заседание из офиса или дома, применяя биометрическую аутентификацию по лицу и голосу [7]. Цифровая коммуникация в судопроизводстве ускоряет и упрощает процесс проведения заседаний, обеспечивает взаимодействие между сторонами, экономно и разумно расходуя задействованные ресурсы. Электронные технологии могут сделать процесс рассмотрения судебного спора прозрачным и более доступным для широкой аудитории, открывая участникам из различных регионов и даже государств возможность принимать участие в судебном процессе без физического присутствия.

К положительным сторонам цифровой коммуникации в судопроизводстве можно отнести следующие:

1) **Скорость:** передача информации осуществляется практически мгновенно, сокращаются время и усилия, затрачиваемые на документооборот.

2) **Глобальное взаимодействие:** территория Российской Федерации обширна, расположена в нескольких часовых поясах, благодаря чему увеличиваются временные и финансовые затраты на следование к месту судебного заседания и обратно. Цифровая коммуникация позволяет общаться всем участникам судебного дела в месте их постоянного проживания.

3) **Увеличение доступности:** защита прав в судебном порядке становится доступной для всех граждан и организаций без исключения. Различные способы обращения в суд, объединение электронных платформ, создание личных электронных кабинетов,

видеоконференцсвязь, веб-конференции, возможность электронных обращений в государственные органы расширяют возможности каждого участника судопроизводства.

4) **Разнообразие средств коммуникации:** цифровая коммуникация предоставляет широкий спектр инструментов и платформ для общения, что позволяет выбирать наиболее удобные и соответствующие цели средства коммуникации.

5) **Возможность хранения и поиска информации:** цифровая коммуникация позволяет осуществлять поиск информации, доступ к ней, сохранять ценные данные на долгий срок.

6) **Гибкость и адаптивность:** цифровая коммуникация позволяет пользователям адаптироваться к различным ситуациям и включаться в коммуникацию в удобном формате.

7) **Сохранение ресурсов:** обмен информацией в электронном виде позволяет избежать необходимости печатать физические копии документов и судебных материалов, снизить потребление бумаги.

Специфические характеристики, особенности, отличающие процесс цифровой коммуникация в судопроизводстве от других сфер деятельности физических и юридических лиц, позволяют говорить о ее гибридном формате. Рассмотрим эти особенности. Во-первых, необходимо использовать специальные электронные платформы, позволяющие участникам судопроизводства реализовать право на защиту своих интересов, обеспечить стратегию защиты в случае обвинения в противоправном деянии. В частности, государственную автоматизированную систему «Правосудие», предназначенную для формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде РФ [9].

Во-вторых, действия участников судопроизводства четко и однозначно регламентированы процессуальными нормами, несоблюдение которых может повлечь за собой признание действия незаконным и даже отмену судебного решения. Например, в соответствии со статьей 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации основанием для отмены решения суда в любом случае выступает нарушение правила о тайне при принятии судьями решения.

Судебные органы ограничены в возможностях цифрового взаимодействия в силу установленных процессуальными нормами правил. Например, часть 4 статьи 474.1 УПК РФ определяет, что судебное решение, за исключением решения, содержащего сведения,

составляющие охраняемую Федеральным Законом тайну, затрагивающие безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, решения по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, может быть изготовлено в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. В случае, если судебное решение вынесено судом коллегиально, оно подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью всеми судьями, участвовавшими в рассмотрении дела. Электронный формат документа сопровождается бумажным, а по некоторым судебным делам судебное решение не может ограничиваться электронным форматом.

В-третьих, для некоторых участников процессуальных правоотношений (судьи, прокуроры, аппарат суда, государственные органы) введены ограничения. Так, часть 8 статьи 10 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусматривает ограничения по оказанию муниципальных и государственных услуг и передаче информации в зарубежных системах, принадлежащих иностранным юридическим лицам или иностранным гражданам. Особые рекомендации предназначены и для действующих судей, и для судей в отставке. Например, судья не должен раскрывать и обсуждать в публичном пространстве конфиденциальную или корпоративную информацию, включая документы суда, публичное размещение или обсуждение которых может нанести вред авторитету судебной власти [7].

Таким образом, цифровая коммуникация приобретает гибридный формат, отражающий не только современные инновационные процессы, но и обязательные процессуальные условия законности действий участников судопроизводства. Такой формат позволяет органам судебной власти, гражданам, организациям, прокуратуре, государственным органам активно взаимодействовать друг с другом, используя различные способы связи и получения информации, при этом соблюдая права и свободы участников судопроизводства. Комбинация различных электронных платформ получения услуг, электронные каналы связи, современный документооборот позволяют целевой аудитории полным образом реализовать предоставленные им в рамках осуществления судопроизводства права и исполнить возложенные на них обязанности. В результате обмена информацией с помощью различных электронных средств и технологий, реализуется задача правильного рассмотрения и разрешения гражданских и арбитражных

судебных дел, защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Однако цифровые технологии в судопроизводстве могут создавать риски в сфере безопасности и конфиденциальности для персональных данных и сведений, относящихся к личной, семейной, адвокатской, нотариальной, коммерческой, служебной тайне, которые адресат не готов разглашать публично. Технические проблемы – сбои в работе программного обеспечения, слабый сигнал интернет-соединения, недостаточные технические характеристики передающего и принимающего устройства – могут привести к задержкам в передаче данных, и даже их потере.

Суд, обеспечивая участие в судебном заседании лиц, участвующих в деле, их представителей, а также свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков путем использования систем видеоконференцсвязи, проверяет явку и устанавливает личность явившихся лиц, берет подписку у свидетелей, экспертов, переводчиков о разъяснении им судом, рассматривающим дело, прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение (часть 3 статьи 155.1 ГПК РФ). Если лицо находится под стражей или отбывает наказание в виде лишения свободы, его личность удостоверяется администрацией места содержания под стражей, учреждения или органа, исполняющих наказание.

В процессе идентификации участников судопроизводства действия судьи и представителей аппарата суда четко регламентированы. Это обеспечивает соблюдение прав и свобод всех субъектов процессуальных правоотношений. Технические проблемы в ходе судебного заседания, его прерывание с последующим возобновлением трансляции вызывают необходимость проведения процедуры идентификации участников с самого начала. И хотя вопросы технических сбоев в работе программного оборудования и средств связи находятся вне поля правовой регламентации процессуальными нормами, невозможно исключить недобросовестные действия участников судебного процесса [3]. В ряде случаев можно говорить об отсутствии равного доступа к цифровым технологиям, что создает преграды для коммуникации в судопроизводстве. Не всегда граждане обладают необходимыми компетенциями для цифрового общения, обмена документацией, навыками работы с электронными платформами и электронной документацией. Административное исковое или иное заявление, заявление, жалоба, представление, любые другие документы, поданные в суд в электронном виде, требуют электронной подписи, что может вызывать определенные затруднения.

Цифровые технологии играют важную роль в современном мире, облегчая передачу информации и общение между людьми и организациями. Они предоставляют множество преимуществ, таких как скорость, доступность и глобальный охват. Расширение возможностей коммуникации участников спора, использование современных платформ, ресурсов, инструментов удаленной передачи информации – перспективное направление по развитию гибридного формата цифровой коммуникации в сфере защиты прав и интересов участников правоотношений.

Библиографический список:

1. Амелина К.Е. Преимущества наличия системы управления интеллектуальной собственностью в организациях / К.Е. Амелина, Н.А. Сафонова // Наука и бизнес: пути развития. 2023. № 12(150). С. 121-125.
2. Багдасарьян Н.Г. Цифровое общество и дискурсы постгуманизма / Н.Г. Багдасарьян, А.Л. Кравченко // Логос. 2022. Т. 32, № 6(151). С. 245-272.
3. Вильданова М.М. Проблемы идентификации и аутентификации сторон гражданско-правовых споров при дистанционном рассмотрении дел в суде // Право и практика. 2020. №4. С. 179-184.
4. Выступление Вячеслава Михайловича Лебедева на пленарном заседании Совета судей РФ 5 декабря 2023 г. [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации. Режим доступа: <https://vsrf.ru/files/33193/?ysclid=ltlwp7n9m424512341> (дата обращения: 01.03.2024).
5. Добринская Д.Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология 2016. № 3. С. 21-38.
6. Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. №2. С. 113-129.
7. Информация Верховного Суда РФ от 24 апреля 2020 г. «Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации. Режим доступа: vsrf.ru/files/28862/?ysclid=ltoe69p23w405640586 (дата обращения 03.02.2025).

8. Кузнецов А.А. Проблемы реализации цифровизации судопроизводства в современном информационном пространстве России // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. №2. С. 88-92.

9. Постановление Совета Судей Российской Федерации от 07 декабря 2023 года № 29 «Рекомендации для судей при пользовании информационно-коммуникационными системами, включая интернет, социальные сети» [Электронный ресурс] // Совет судей Российской Федерации. Режим доступа: <https://kk.ssrp.ru/dokumenty/pravovaia-osnova/52873> (дата обращения: 11.01.2025).

10. Сафонова Н.А. Современные способы фиксации доказательств в гражданском процессе / Н.А. Сафонова, П.А. Олейникова // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6(198). С. 290-293.

Safonova N.A. **Hybrid format of digital communication in legal proceedings**

Digital communication is becoming an integral part of not only everyday life, but also business communication, the activities of government agencies, including the judicial system. Modern procedural codes contain rules on the use of remote communication methods using digital technologies. As a result of the analysis of the established judicial practice, the positive features of the possibility of digital communication between the court and the parties to the dispute are analyzed. It is concluded that digital technologies play an important role in the modern world, facilitating the transfer of information and communication between people and organizations. They provide many advantages, including speed of communication, accessibility, and global reach.

Keywords: digital communication, office management, legal proceedings, digitalization, innovative methods, hybrid format.

УДК 316

М.В. Курдакова

Социальный феномен «инфоцыганства»: новые риски в эпоху «цифры»

Аннотация:

В современной социокультурной реальности, где интернет и социальные сети играют ключевую роль в распространении информации, возникает социальный феномен инфоцыганства. В статье рассмотрены основные параметры инфоцыганства, выделены стратегические приемы и практики инфоцыган, причиняющие серьезный ущерб отдельным потребителям информационного контента и несущие угрозы для общества в целом. Сделан вывод о необходимости выработки методов борьбы с инфоцыганами, потребности в формировании более прозрачной и этичной информационной среды.

Ключевые слова: инфоцыганство, интернет-мошенничество, социальные сети, интернет, инфобизнес, манипулятивные практики, цифровизация, цифровое общество.

Об авторе: Курдакова Мария Валерьевна, Государственный университет «Дубна», студент кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: maryakurdakova173@gmail.com

Научный руководитель: Король Марина Петровна, Государственный университет «Дубна», кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: marina.koro14@gmail.com

Современное общество характеризуется распространением цифровых технологий, изменением способов хранения, передачи и обработки данных. Значимую роль начинают играть интернет, технологии больших данных и искусственного интеллекта. Эти достижения затрагивают каждую сферу общественной жизни, включая образование и бизнес [12, с. 3]. Однако воздействие этих инноваций имеет диалектический характер. К позитивным сторонам процесса цифровизации следует отнести формирование новых инструментов для самовыражения и коммуникации в киберпространстве [21].

Современные технологии изменили способы общения – теперь люди могут видеть друг друга в режиме видеосвязи, находясь на разных континентах. Это разрушает географические границы и делает общение более доступным и разнообразным. Социальные сети и интернет-контент предоставляют платформу для массовой публикации идей, однако анонимность в этом пространстве существенно изменила роль традиционных СМИ, которые утратили монополию на распространение информации [1].

Цифровизация облегчила процесс обмена файлами, позволяя пользователям передавать данные на большие расстояния с минимальными усилиями. Это открывает новые горизонты для совместной работы и обмена знаниями. В экономическом плане компьютеризация способствовала росту многих стран, где внедрение робототехники, искусственного интеллекта и самообучающихся нейросетей существенно сократило временные затраты и повысило эффективность производства [16].

Интернет стал важной частью бизнеса, что дало возможность каждой корпорации иметь собственный сайт и осуществлять продажи в режиме онлайн. Это привело к удобству совершения покупок, где потребители могут оплачивать товары безналичным способом [2]. Расширение пространства удаленной работы стало важным аспектом, позволяющим сэкономить время и исключить транспортные расходы, что положительно сказывается как на личной жизни работников, так и на экономике в целом. Таким образом, внедрение цифровых технологий приносит множество выгод, трансформируя общество и создавая новые возможности для взаимодействия и осуществления деловых процессов [5].

Помимо этого, в последние годы наблюдается значительный рост числа фрилансеров – самозанятых работников, оказывающих услуги в сети Интернет [22, с. 131]. Развитие цифровых технологий и интернет-платформ предоставляет много возможностей для специалистов, работающих в таких областях, как журналистика, копирайтинг, видеопроизводство, графический дизайн и др. [15]. Однако наряду с преимуществами цифровизации возникают и серьезные негативные последствия, требующие внимания и осознания.

В этой связи современное российское общество сталкивается с рядом вызовов, связанных с «цифрой». Во-первых, важной проблемой оказывается кибербуллинг – агрессивное поведение одного интернет-пользователя по отношению к другому. Эта форма агрессии представляет собой умышленное использование интернет-технологий с целью навредить конкретному человеку [3, с. 61]. Отсутствие четких правовых норм,

регламентирующих понятие «кибербуллинг», делает проблему актуальной в контексте сетевой этики. Стоит отметить, что кибербуллинг затрагивает не только молодежь: по данным совместного исследования, проведенного платформой VK и компанией UXSSR, 57% российских пользователей социальных сетей старше 18 лет сталкивались с кибербуллингом [23].

Основной угрозой, возникающей из-за цифровизации, становится рост киберпреступности, проявляющей себя в различных формах интернет-мошенничества, краж личных данных и хакерских атак [9]. Современные технологии позволяют злоумышленникам получать доступ к конфиденциальной информации, включая логины, пароли, банковские реквизиты, и к другим пользовательским данным, что представляет серьезную угрозу безопасности пользователей [5]. Это усугубляется и разницей в уровне компьютерной грамотности среди различных социальных групп, из-за чего менее подготовленные пользователи становятся более уязвимы к киберугрозам [4].

Наконец, сегодня актуализируется угроза манипуляции сознанием интернет-пользователей. Распространение ложной информации и дезинформации через интернет-каналы создает серьезные риски для общества, подрывая доверие и нарушая информационное поле [8]. Так, особенно заметным социальным феноменом современности стало инфоцыганство¹. Оно активно эксплуатирует доверие пользователей и порождает новые волны дезинформации. Термином обычно обозначают «лица или компании, которые продвигают и продают информационные продукты (курсы, тренинги, вебинары и т. д.) сомнительного качества или актуальности» [20, с. 38]. Информация или курсы, приобретенные у инфоцыган, как правило, бесполезны, нерезультативны – покупатель «выбрасывает деньги на ветер».

К характерным признакам инфоцыган можно отнести:

1. **Обещания мгновенных результатов.** Инфоцыгане предлагают «волшебные» решения для сложных проблем, обещая быстрое достижение желаемых результатов. Это может быть похудение за неделю или заработок миллиона рублей за считанные дни.

¹ Использование термина «инфоцыганство» в настоящее время воспринимается в общественном контексте исключительно как метафора и не направлено на разжигание межнациональной ненависти или оскорбление чести и достоинства людей.

2. **Показная значимость и успех.** Инфоцыгане активно подчеркивают свои достижения, стаж работы, приводят примеры кейсов успешных клиентов и ведут активную медийную жизнь. В этой связи нередко можно увидеть утверждения о том, что их консультируют высокопрофильные специалисты.

3. **Создание образа роскошной жизни («успешный успех»).** Инфоцыгане используют социальные сети для демонстрации своей «успешной» жизни: дорогие автомобили, отдых в экзотических странах, брендовые вещи и статусные удовольствия. Все это создает впечатление, что методики, которые они предлагают, приводят к подобным результатам.

4. **Харизматичность и убедительность.** Инфоцыгане часто обладают развитыми речевыми навыками и умением представлять информацию, что помогает им завоевывать доверие аудитории.

5. **Следование за трендами.** Инфоцыгане быстро адаптируются под текущие тренды, предлагая свои услуги в соответствии с актуальными запросами.

6. **Разнообразие предложений.** Инфоцыгане могут одновременно предлагать курсы по совершенно разным тематикам – от психологии до фитнеса и фотографий, что создает впечатление широты их знаний и навыков.

7. **Создание сообщества последователей.** У инфоцыган есть преданные поклонники, которые активно их поддерживают, что создает иллюзию авторитетности и спроса на их услуги.

8. **Использование манипулятивных техник («заброс якоря»).** Для продвижения своих курсов инфоцыгане используют психологические приемы, искусственно создающие дефицит (ограниченные предложения: «осталось 10 мест, скорее записывайся на курс, чтобы заработать свой миллион») или формирующие у пользователей ощущение уникальности предлагаемого инфотовара (эксклюзивное «секретное» знание) [11].

Конечно, обозначенные признаки не всегда свидетельствуют о мошенничестве, а среди предложений на рынке инфотоваров можно встретить качественные и полезные образовательные продукты. Как разновидность мошеннического инфобизнеса в России инфоцыганство появилось еще в 2010-х гг., однако сам термин в российское общество вошел через несколько лет после некоторых ярких эпизодов [17, с. 43].

Так, одним из нашумевших случаев стало дело Елены Блиновской и ее курс «Марафон желаний». Он предлагал участникам погрузиться в процесс самоосознания и работы с собственными желаниями. Концепция заключалась в том, чтобы стать честным с самим собой и формулировать желания, исходящие из внутренних потребностей, а не из ожиданий окружающих. Важный аспект «марафона» – это понимание «экологичности» желания, что предполагает уважение к свободной воле других людей и моральным нормам общества. Например, желая что-то для себя, необходимо избегать достижений за счет других, что может включать в себя нежелание вмешиваться в чужие жизни или желать того, что может причинить вред окружающим. Однако идея о том, что для достижения целей достаточно лишь довериться «высшим силам» и внутреннему голосу может вызывать разные мнения. Некоторые участники могут воспринимать это как освобождение от стресса и стремление к результатам, в то время как критики могут утверждать, что для достижения желаемого необходимы и активные усилия [10].

Важно помнить, что подобные курсы чаще всего не имеют научной базы, а их результативность сомнительна. Индивидуальный опыт участия в таких марафонах может быть весьма субъективным, вместе с тем для некоторых людей это может оказаться полезным и вдохновляющим, а для других – лишь популярным трендом без реального результата.

В качестве других популярных примеров инфоцыганства можно выделить курс «Мышление миллионера», обещающее за шесть недель сделать из обычного человека богатейшего; курс «Люби, делай, мечтай», направленный на быстрый личностный рост и реализацию желаний через «позитивное мышление»; «Стратегия на миллион», формирующая у потребителя «правильное сознание», помогающее получить знания и навыки «для заработка первого миллиона», включающая «составление карты желаний, чистку зубов по три минуты, контрастный душ, регулярное чтение аффирмаций, вежливость в общении, отказ от жалоб и др. [21].

Отметим, что в России существует проблема регулирования инфобизнеса, поскольку многие его представители фактически находятся в серой правовой зоне. Инфобизнес, включающий в себя продажу информации, курсов, тренингов и других материалов, часто не имеет четких правил и стандартов, что создает предпосылки для мошенничества. В этой связи наиболее распространенными основаниями для привлечения инфоцыган к ответственности выступают их налоговые правонарушения и обман потребителей

(мошенничество), однако вопросы качества и прозрачности предлагаемых ими услуг остаются открытыми [14].

Продукты инфоцыган представляют собой продажу неоправданных обещаний успеха, зачастую без надлежащих знаний и навыков. В эпоху социальных медиа блогеры и онлайн-коучи могут легко манипулировать аудиторией, создавая иллюзию быстрого и легкого успеха [13, с. 202]. Основная опасность заключается в том, что такие подходы не только вводят в заблуждение людей, но и формируют у них ложные ожидания, что в дальнейшем может привести к разочарованию, потере времени и денег. Люди, доверяющие таким рекомендациям, могут отказаться от традиционных методов обучения и развития, что в долгосрочной перспективе снижает общий уровень квалификации и профессиональных навыков.

Существует и ряд иных угроз манипулятивных практик инфоцыган. Во-первых, изобилие ложной информации и манипуляций делает пользователей более скептическими и недоверчивыми к информации в интернете [7]. Во-вторых, инфоцыганство чревато потерей доверия потребителей к брендам, которые используют маркетинговые стратегии, схожие с «инфоцыганскими», или оказываются вовлеченными в скандалы с дезинформацией. Это может повредить репутации компании, снизить ее продажи [19]. Кроме того, инфоцыганство можно считать одной из причин инфантилизации личности, поскольку пользователями часто манипулируют простыми и эмоциональными посланиями, лишая их возможности критически мыслить и принимать взвешенные решения – это накладывает отпечаток на формирование взрослой, ответственной личности, снижает способности к самостоятельному анализу [18; 6].

Одной из наиболее ощутимых угроз, связанных с инфоцыганством, становятся финансовые убытки. Многие жертвы надеются на быструю окупаемость инвестиций, не задумываясь о реальной ценности предлагаемых продуктов. Используя манипулятивные техники, злоумышленники убеждают людей действовать против своей воли. Нередко жертвы подвергаются психологическому давлению, что приводит к снижению уверенности в себе и чувству изоляции.

Погружение в мир инфоцыганства отвлекает от реальных, более ценных возможностей. Вместо того, чтобы сосредоточиться на развитии своих навыков или карьерном росте, человек рискует сократить свое время и ресурсы на «пустышки», которые

не принесут видимого результата. Все это формирует чувство упущенных возможностей, когда реальный прогресс остается недостигнутым.

Обозначенные негативные последствия показывают, что инфоцыганство представляет собой серьезную угрозу и для отдельных пользователей, и для общества в целом, подрывая основы информационной культуры и доверия. В условиях избытка информации важно уметь анализировать источники и отделять достоверные данные от манипулятивных и обманных практик. Феномен инфоцыганства вызывает много критики и обсуждений, особенно в контексте этики, качества образования и воздействия на уязвимые группы населения. Критическое мышление и медиаграмотность становятся необходимыми навыками для того, чтобы не поддаваться на уловки инфоцыган. Следует развивать инициативы по повышению уровня образования в области медиа и информации, поддерживать проекты, направленные на разоблачение и осуждение мошеннических схем. Ответственность за распространение информации лежит не только на отдельных пользователях, но и на платформах, которым необходимо осуществлять надзор за контентом и предотвращать распространение лжи и манипуляций. В противном случае проблемы инфоцыганства будут только расширяться, негативно влияя на общественное сознание и доверие к информации.

Библиографический список:

1. Амирханова П.М. Эпоха «цифры» и человеческий капитал // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 3(53). С. 5-9.
2. Андреев Г.О. Интернет-бизнес в России // Экономика и социум. 2021. №4-1 (83). С. 637-640.
3. Барышева К.А. Определение понятия и общественно-опасной природы киберсталкинга // Адвокат. 2016. №10. С. 60-66.
4. Баскакова М.Е. Новые грани функциональной неграмотности в условиях цифровой экономики / М.Е. Баскакова, И.В. Соболева // Вопросы образования. 2019. №1. С. 244-263.
5. Бацоев К.Т. Цифровизация: достоинства и опасность // Вестник магистратуры. 2022. №3-1 (126). С. 34-37.
6. Демиденко А.С. Виртуализация социальной коммуникации в контексте проблемы инфантилизации личности // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 6 (70). С. 64-71.

7. Иванова А.П. Дезинформация в Интернете: неизбежная реальность? (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Серия 4: Государство и право. 2023. № 3. С. 177-188.
8. Иванова А.П. Дезинформация в интернете: поиск баланса в борьбе с фальшивыми новостями // Образование и право. 2023. №2. С. 342-347.
9. Идрисов И.К. Киберпреступность как угроза современному информационному обществу / И.К. Идрисов, М.А. Вердиев // StudNet. 2022. №3. С. 1341-1352.
10. Карасева О. Мечты не сбываются: что не так с марафонами желаний. Почему они не помогут изменить жизнь [Электронный ресурс] // Журнал Т-Ж. Режим доступа: https://t-j.ru/wish-marathon/?pulse_traffic=1 (дата обращения: 18.03.2025).
11. Колосова Т. Инфоцыгане: кто это и как распознать псевдотренеров по красивой жизни [Электронный ресурс] // РБК. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/64ae5d079a794759d8f28a60#character> (дата обращения: 18.03.2025).
12. Король М.П. SMM-продвижение некоммерческих организаций в социальных сетях: поиск новых возможностей / М.П. Король, Е.С. Маньжова // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2023. №3. С. 3-9.
13. Москальков А.В. О способах совершения преступлений против собственности в сети Интернет // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 199-208.
14. Мухаметшина Е. Депутаты Госдумы начали обсуждать регулирование так называемых инфоцыган [Электронный ресурс] // Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/02/17/909867-gosduma-regulirovat-infotsigan> (дата обращения: 18.03.2025).
15. Мухина О.С. Экономические аспекты медиафриланса цифровой эпохи // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. №5. С. 40-60.
16. Открытость, прозрачность, цифровизация [Электронный ресурс] // Центр компетенций по взаимодействию с международными организациями ВШЭ. Режим доступа: <https://globalcentre.hse.ru/nletter11.1> (дата обращения: 18.03.2025).
17. Пруссова Е. Почему феномен «инфоцыганства» развился до ощутимых для общественной рефлексии в интернетсреде размеров именно в 2020-х годах? // Техники исследовательского чтения и письма. 2023-2024. Т. 2, № 1. С. 42-45.

18. Сабельникова Е.В. Инфантилизм как норма [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/219393181.html> (дата обращения: 18.03.2025).
19. Тарханова М.Е. Гудвилл-коэффициент – фундамент построения личного бренда и инструмент защиты репутации [Электронный ресурс] // Academy. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gudvill-koeffitsient-fundament-postroeniya-lichnogo-brenda-i-instrument-zaschity-reputatsii> (дата обращения: 18.03.2025).
20. Форер А. Онлайн-образование: почему эта ниша оказалась паразитированной «инфоцыганами»? // Техники исследовательского чтения и письма. 2023-2024. Т. 2, № 1. С. 37-41.
21. Ямщиков С.В. Социальный феномен фриланса / С.В. Ямщиков, А.Л. Кравченко // Социосфера. 2019. № 2. С. 130-135.
22. Чернядьева Н.А. Цифровые технологии и права человека: эпоха взаимозависимости или кризис международной системы защиты прав человека? // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2(37). С. 164-172.
23. 57% россиян сталкивались с кибербуллингом. Почему это проблема. Как люди ведут себя и что может помочь [Электронный ресурс] // РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/life/news/654dfdeb9a79472d91e62168> (дата обращения: 18.03.2025).

Kurdakova M.V. The social phenomenon of «info-gypsies»: new risks in the digital era

In the modern socio-cultural reality, where the Internet and social networks play a key role in the dissemination of information, the social phenomenon of info-gypsies is emerging. The article examines the main parameters of info-gypsies, highlights the strategic techniques and practices of info-gypsies that cause serious damage to individual consumers of information content and pose threats to society as a whole. The conclusion is made about the need to develop methods to combat info-gypsies, the need to create a more transparent and ethical information environment.

Keywords: info-gypsies, Internet fraud, social networks, Internet, information business, manipulative practices, digitalization, digital society.

УДК 81'22

С.Б. Волкова, Д.О. Мелешко

**Язык как неотъемлемая часть жизни: материалы круглого стола,
посвященного 75-летию со дня рождения И. Б. Шатуновского**

Аннотация:

В ноябре 2024 года состоялся Круглый стол, посвященный 75-летию со дня рождения известного ученого – Ильи Борисовича Шатуновского. Работы автора, в том числе три монографии, остаются актуальными и по сей день. Преподаватели университета «Дубна», ученики и бывшие студенты И.Б. Шатуновского собрались, чтобы почтить его память, поделиться теплыми воспоминаниями, представить доклады, так или иначе связанные с деятельностью профессора. Темы докладов носили разнообразный характер: некоторые из них были посвящены вкладу И.Б. Шатуновского в развитие теории иронии и речевых актов в русском языке, в исследование фразеологизированных риторических вопросов и изучение лингвистической семантики и прагматики; другие – методическим особенностям преподавания русскоязычных и англоязычных дисциплин и некоторым аспектам лингвистики и филологии, а часть докладов раскрывала вопросы по смежным темам, например, о малых языках русского севера.

Ключевые слова: лингвистика, ирония, риторические вопросы, глагол, аналитическое чтение, русский язык и культура речи, малые языки, медиа-образование, аспектуальные формы английского языка, соматизм, фэнтези.

Об авторах: Волкова Светлана Борисовна, Государственный университет «Дубна», кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики; эл. почта: volkovasvetlana@mail.ru

Мелешко Диана Олеговна, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры лингвистики; эл. почта: diana.meleshko0@gmail.com

Илья Борисович Шатуновский – ученый с мировым именем, почетный профессор Хэйлунцзянского университета (г. Харбин, Китай), член Европейского лингвистического

общества и Общества славянской лингвистики. Илья Борисович на протяжении 20 лет возглавлял кафедру лингвистики Университета «Дубна», а затем стал научным руководителем кафедры и внес бесценный вклад в ее развитие.

В научные интересы автора входил целый спектр лингвистических аспектов: теория текста и речевых актов, словообразование, коммуникативный синтаксис, синтаксическая и лексическая семантика, а также другие области, которые нашли отражение в более чем 90 научных публикациях, книгах и монографиях, посвященных проблемам русской грамматики, словообразования, прагматики и т.д. Ему принадлежат переводы на русский язык работы британского лингвиста Джона Лайонза «Лингвистическая семантика: Введение» (совместно с доцентом кафедры лингвистики Владимиром Витальевичем Морозовым) и американского лингвиста Джорджа Лакоффа «Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении». Илья Борисович был ответственным редактором книги из знаменитой серии «Логический анализ языка. Языки динамического мира», подготовленной совместно с Институтом языкознания РАН. Его добросовестный труд и значительный вклад в изучение языкознания оставили глубокий след в памяти последователей и дали продуктивное начало предстоящим исследованиям в лингвистике.

На заседании Круглого стола ученики и коллеги Ильи Борисовича представили доклады, основывающиеся на идеях и открытиях ученого. Евгения Сергеевна Ткаченко (старший преподаватель кафедры лингвистики государственного университета «Дубна») занимается исследованием риторических вопросов (далее – РВ) с точки зрения наличия в них дискурсивной составляющей. Автор отметила, что их исследование занимает многих ученых, которые, в целом, не противоречат друг другу. Они сходятся во мнении, что РВ чаще всего носят экспрессивный характер. Однако Илья Борисович Шатуновский подходил к этому вопросу совершенно иначе, полагая, что РВ сохраняют дискурсивную составляющую [7]. На основе работ ученого удалось выявить, что РВ возможно классифицировать с точки зрения их клишированности и фразеологизированности. Они подразделяются на клишированные РВ (*Куда он денется!*), идиоматичные РВ (*Сколько раз можно повторять?*), а также РВ с зафиксированной синтаксической структурой и ее лексико-семантическим наполнением (*Да какой он герой!*). Несмотря на некоторые успехи в работе над исследованием, автором отмечаются трудности в разграничении клишированных и фразеологизированных РВ, связанные с отсутствием общепринятых

определений идиоматичности и мотивированности среди лингвистов, занимающихся вопросами фразеологии и малого синтаксиса.

Анастасия Михайловна Балаян (ассистент кафедры иностранных языков и русского как иностранного государственного университета «Дубна») уделяет большое внимание изучению художественного текста. Автор отмечает, что лингвистическая поэтика, как важная составляющая изучения языка вообще и его эстетической функции в частности, выступает неотъемлемой частью курса основ языкознания. Именно в поэтическом языке полно раскрывается потенциал языка обыденного. На бережно отобранных ярких примерах Илья Борисович рассказывал о том, как автор текста может зашифровать те или иные смыслы с помощью изобразительно-выразительных средств, использования норм, а также их нарушения. Читатель и исследователь, в свою очередь, может наиболее глубоко понять истинный замысел автора с помощью лингвостилистического и лингвопоэтического анализа.

А.М. Балаян рассматривает скрытый потенциал описаний интерьера для характеристики персонажей, их психологии. Примеры из популярных произведений жанра фэнтези (цикл «Плоский мир» Терри Пратчетта и серия «Гарри Поттер» Джоан Роулинг) привлекают внимание к деталям интерьера и их функциям: некоторые из них позволяют лучше понять мотивацию поступков героев, другие открывают новые черты персонажей, а некоторые намекают на предстоящие сюжетные повороты. Психологическая функция дизайна интерьера в художественной литературе выступает как вербальный инструмент для передачи скрытых деталей, позволяющий читать «между строк» и раскрывать скрытые смыслы [5].

Доклад Владимира Витальевича Морозова посвящен способам репрезентации будущего в языке. Понятия «время» и «будущее» привлекают внимание специалистов разных областей. У лингвистов, к примеру, особый интерес вызывают вербальные средства, используемые для репрезентации будущего в том или ином языке. В результате исследования концепта будущее/*future* в русском и английском языках были выделены структурные отличия русского глагольного вида от английского аспекта. Так, английский аспект – это чисто формообразующая (морфологическая) категория, в то время как русский вид – это и формообразующая, и словообразующая категория. Кроме того, в русском языке нет морфологических средств деления настоящего времени на аспектуальные формы. Глаголы в форме настоящего времени не имеют форм совершенного вида, однако в

английском существует несколько аспектуально-таксисных форм настоящего. Таким образом, в грамматической системе русского языка настоящее морфологически неделимо, в то время как в английской грамматике оно представлено как минимум в четырех категориальных формах.

Сергей Александрович Крылов (доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН) рассказал о научном наследии Ильи Борисовича Шатуновского, оставившего большой вклад в области исследований лингвистической семантики и прагматики. Он не только развил подход Н. Д. Арутюновой в работе о словообразовательной транспозиции, но и с 1987 г. постоянно участвовал в семинаре по логическому анализу языка. Так, в работе «Семантика предложения и неререферентные слова» он описал семантическую и коммуникативную структуру (актуальное членение) предложения (пропозиции) в аспекте языкового отражения мира, роль различных разрядов слов в формировании значения предложения, семантику и прагматику слов, соотносительных со связкой как обязательным компонентом пропозиции [8]. Предметом его семантико-прагматического анализа стали значения тождества, подобия, сходства, соответствия, существования, присутствия, местонахождения, возможности, необходимости, долженствования, знания, мнения, желания, воли и др., а также видовое противопоставление в русском языке. В книге о высказываниях он описал основные типы речевых (иллокутивных и перлокутивных) актов и актов мысли в русском языке [9].

Константин Геннадьевич Красухин (доктор филологических наук, заведующий секцией компаративистики Института языкознания РАН) в своих исследованиях изучает вопросы глагольного вида. Автор отметил, что Илья Борисович Шатуновский не раз обращался к проблеме глагольного вида, рассматривая его в ключе таких категорий, как референтность-нереферентность, реальность-нереальность, обращая внимание на роль вида в речевом акте [6]. Природа глагольного вида такова, что он находится на границе словообразования и словоизменения. В контексте словообразования особое значение имеют суффиксы и префиксы, а со словоизменением систему видов роднит ее обязательность, т.е. отношение глагола либо к совершенному виду, либо к несовершенному. Так, многозначный суффикс *-ну-* в славянских языках может функционировать двояко. Ввиду природы своего происхождения, он образует глаголы как совершенного вида (*толкать-толкнуть*), так и несовершенного (*вянуть, стынуть*).

Причина подобных изменений заключается в том, что изначально суффикс имел значение достижения состояния у непереходных глаголов, но со временем он стал обозначать длительность-недлительность, а позже и вовсе завершённое действие.

Анна Анатольевна Дасько (кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики) представила доклад о некоторых фразеологических аспектах языкознания, которым Илья Борисович Шатуновский уделял внимание, читая лекции в рамках курса «Общее языкознание». На круглом столе А. А. Дасько сосредоточилась на описании соматизма. Лексикографическое исследование соматизма представляет собой практическое описание значения слова в контексте культуры и направлено на изучение антропоцентрической языковой картины мира. Волосы выступают как метафрагмент человека, обладают медиумическим свойством, имеют ярко выраженную обрядовую значимость, обладают функцией переноса информации о человеке в целом и осуществляют связь между человеком и окружающим миром. В результате анализа языкового материала на примере соматизма волос/волосы, представленного в Национальном корпусе русского языка, выделены группы понятий, наиболее часто связанных с таким соматизмом, отмечен уровень частотности его употреблений в контексте примеров: цвет, состояние, внешний вид, качество, местоположение, длина, форма причёски, сравнение и др. [3; 4].

Лидия Николаевна Семячко (кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики), основываясь на трудах Ильи Борисовича Шатуновского, разрабатывает курс по русскому языку и культуре речи для студентов-лингвистов. Отличительной особенностью курса «Русский язык и культура речи» для студентов-лингвистов» выступает включение в процесс обучения не только традиционных учебников, но и достижения лингвистической мысли XX-XXI вв., включая теорию речевых жанров М.М. Бахтина, антропоцентрическую направленность в лингвистике, в центре которой стоит человек, а язык рассматривается как средство общения (работы Г.А. Золотовой, И.Б. Шатуновского, О.Б. Сиротининой, И.П. Сусова, Л.С. Крючковой). С опорой на работы Шатуновского (например, монографию «Речевые действия и действия мысли в русском языке», в которой охарактеризован прагматико-семантический уровень изучения современного русского языка, статью «Императив и вид» и др.) разработана особая методика обучения, заключающаяся в том, что во время занятий упор делается на риторический аспект обучения языку и культуре речи, который становится одним из перспективных направлений подготовки специалистов в области межкультурной коммуникации.

На Круглом столе были представлены доклады и на иные, смежные темы. Так, Денис Сергеевич Мухортов (кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка МГИМО) предложил особую концепцию изучения художественно-литературного дискурса. При изучении иностранных языков в вузах остро стоит вопрос о формировании аналитической компетенции, направленной на извлечение из текстов различных видов информации: лингвистической, смысловой и содержательной [2]. Помимо этого, упор делается и на развитие лингвистической компетенции, одним из важных компонентов которой выступает свободное владение иностранным языком. Изучение художественно-литературного дискурса многоаспектно и помогает развитию этих навыков. Автором предлагается следующий ход анализа художественной литературы как средства изучения иностранного языка: студент выбирает англоязычный рассказ, читает его и составляет глоссарий ранее неизвестной и/или полезной для повседневного общения лексики. Затем эта информация обрабатывается и в конце установленного срока на выполнение задания учащийся представляет проект в формате Ted Talks. Такой метод работы с лексикой позволяет расширить словарный запас вдоль – за счет увеличения синонимических рядов, и поперек, благодаря умению быстро определять превалирующие семы. Отмечено, что предлагаемая методика содержит большой потенциал, однако для ее верификации требуется проведение лонгитюдного анализа.

Елена Валерьевна Константинова (старший преподаватель кафедры лингвистики) рассказала о многолетней работе с Ильей Борисовичем Шатуновским и поделилась опытом включения новых форм медиаобразования в процесс обучения. Основные задачи медиаобразования – это развитие личности с целью формирования культуры, творческих и креативных способностей, критического мышления, умения интерпретировать и анализировать медиаматериал [6]. Преимущество такой формы обучения состоит в том, что медиазадания интересны и полезны студентам: во-первых, они помогают повторить пройденный материал; во-вторых, медиаобразование способствует развитию творческого потенциала студентов и навыков работы в коллективе, благодаря чему учащиеся приобретают навыки работы с видеорядом и звуковым сопровождением.

В научные интересы Дениса Сергеевича Ермолина (кандидат исторических наук, ученый секретарь, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) входит изучение жизни и культуры коренных народов Севера, включая язык, его фонетические и лексические особенности. Используя на практике полученные от

Ильи Борисовича знания о лингвистической географии, автор занимается исследованием этнографических изысканий Д. Д. Травина на реке Печоре, в селе Усть-Цильма и, в целом, окрестностях русского севера, изучая жизнь, культуру и обычаи русских старообрядцев [1].

Помимо многообразия полученных материалов, связанных с устоями жизни местных поселенцев, Д. Д. Травину удалось собрать немало лингвистического материала. В ходе экспедиций он обращал внимание на местный говор, ему удалось составить черновики словаря, куда входили слова, выражения и некоторые обороты речи жителей. Этнограф смог отметить ударения, интонационный контур высказываний и даже некоторые фонетические особенности диалектизмов, например, в каких случаях звук «ч» перетекает в «ц». Его дневники и полевые записи полны наблюдений этноконфессиональных границ и того, как местные жители вели себя при встрече с другими поселенцами, разграничивая позицию «свой-чужой». Все материалы представлены в МАЭ РАН и находятся на стадии обработки.

Иван Ярославович Шимон (доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук) поделился воспоминаниями об Илье Борисовиче Шатуновском и, учитывая тематику круглого стола, высказался о современном состоянии русского языка, его связи с политикой и историей. Между понятиями «язык», «история» и «политика», по мнению автора, существует диалектическая взаимосвязь. На примере такого исторического события, как распад СССР в 1991 г., показано, что язык, история, политика и их соотношение оказались орудием лжи, поскольку причины распада были освещены неправдиво.

Распад государства повлиял на установление однополярного мира, уменьшение страны на четверть территории, на спад экономики, дерусификацию на постсоветском пространстве, запрет русского языка и др. Более того, в России наблюдается тенденция усугубления положения современного русского языка. Подтверждением этому служит неоправданное употребление иностранных слов, синонимы к которым есть и в нашем языке, использование ненормативной лексики, а также значительная численность мигрантов, не владеющих русским языком. Эти факторы ведут к пониманию того, что сегодня русский язык как никогда нуждается в защите, ведь он определяет духовную и национальную идентичность нашей страны.

Библиографический список:

1. Ермолин Д.С. Мир печорских старообрядцев глазами Д.Д. Травина: конфессиональные границы, ресурсы и трансформации в первой трети XX в. // Религиоведение. 2022. № 4. С. 49-54.
2. Мирошниченко С.А. Аналитическое чтение как средство формирования аналитической и интерпретационной компетенций у студентов языкового вуза / С.А. Мирошниченко, А.М. Лесохина, Л.Н. Лабазина // Ярославский педагогический вестник. 2015. №2. С. 147-151.
3. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I-XI классов: в 2 т. Т II. От реакции к стимулу. Ч.1. А-Н / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартьянов. Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 2011. 480 с.
4. Судосева И.С. Поэтика интерьера в художественной прозе. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 191 с.
5. Федоров А.В. Медиаобразование: история, теория и методика. Ростов-на-Дону: Изд-во ЦВВР, 2001. 708 с.
6. Шатуновский И.Б. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009. 352 с.
7. Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // Агрессия в языке и речи: Сборник науч. статей / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2004. С. 19-37.
8. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова. М.: Языки славянских культур, 1996. 404 с.
9. Шатуновский И.Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 480 с.

Volkova S.B., Meleshko D.O. Language as an Integral Part of Life (Proceedings of the Panel discussion dedicated to the 75th anniversary of I. B. Shatunovsky's birth)

In November 2024, a panel discussion dedicated to the 75th anniversary of the birth of the great scientist Ilya Borisovich Shatunovsky was held. The author's works, including three

monographs, remain relevant to this day. Professors of Dubna University and former students of I.B. Shatunovsky gathered to honor his memory, share warm memories, and present reports connected with the professor's work. The topics of the reports were quite diverse. Some of them were devoted to I.B. Shatunovsky's contribution to the development of the theory of irony and speech acts in the Russian language, to the study of phraseological rhetorical questions and the author's research on semantics and pragmatics. Others explained the methodological features of teaching Russian-language and English-language disciplines and some aspects of linguistics and philology. The rest revealed issues on related topics, for example, about the contribution to the study of small languages of the Russian north.

Keywords: linguistics, irony, rhetorical questions, analytical reading, Russian language and speech culture, small languages, media education, aspectual forms of the English language, somatism, fantasy.

УДК 811.161.1

С.В. Шешунова, Д.А. Сайкина

Концепт «ветер» в современной русской художественной литературе и публицистике

Аннотация:

В статье рассматривается репрезентация концепта «ветер» в современной русской публицистике и художественной литературе. Материал исследования определен методом выборки на основе Национального корпуса русского языка. Сделан вывод о смещении смысловых приоритетов при общем сохранении ядра семантической структуры концепта. Полученные в ходе анализа результаты сопоставлены с выводами других исследователей.

Ключевые слова: языковая картина мира, художественная литература, публицистика, концепт «ветер».

Об авторах:

Шешунова Светлана Всеволодовна, Государственный университет «Дубна», доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики; эл. почта: svsheshunova@mail.ru

Сайкина Дарья Алексеевна, Государственный университет «Дубна», студент кафедры лингвистики; эл. почта: d-saykina@mail.ru

Концепты, отражающие своеобразие той или иной лингвокультуры, вызывают у лингвистов XXI в. устойчивый интерес [1; 5; 7; 8]. К ряду таких концептов относится и «ветер» как метеорологическое явление, которое с самых древнейших времен оказывало влияние на людей. По мнению исследователей, стихия ветра выступает неотъемлемой частью русской языковой картины мира, что «подтверждается широким спектром реализации лексемы *ветер* в пословично-поговорочном фонде русского языка» [6, с. 52]. Как будет показано ниже, представления о ветре неразрывно связаны и с материальной, и с духовной жизнью человека.

Названный концепт изучается в современной лингвистике на материале как лексикографических источников (толковые и фразеологические словари), так и текстов

разнообразного содержания и жанровой принадлежности. В толковых словарях концепт ветер представлен следующим образом:

1. **Движение потока воздуха.** *Сильный ветер. Порывистый ветер. Слабый ветер. Западный ветер. Поднялся ветер. Дуновение ветра. Сквозной ветер. Попутный ветер* [11].

2. **Движение потока воздуха в горизонтальном направлении.** *Слабый ветер. Резкий ветер. Попутный ветер. Порывистый ветер. Ветер улегся. Ветер стих. Ветер поднялся* [3; 10].

Таково лишь самое основное значение лексемы *ветер*. Как видно, важнейшим компонентом этого значения, отмеченным в словарных статьях, оказывается «движение» (воздуха). Рассмотрим, как этот компонент реализуется и трансформируется в современном языковом материале. Среди исследований, посвященных ему, стоит обратить особое внимание на работу В.И. Карасика, в которой концепт «ветер» рассмотрен в русской фразеологии и поэзии разных лет. Среди уточняющих характеристик ветра в русском языке он отметил, прежде всего, силу, температуру, направление, неподконтрольность [2, с. 222]. Тот же исследователь выделил как основу для построения художественного образа ряд вызванных ветром ощущений. Среди этих ощущений названы, в частности, стремление людей защититься от ветра. В художественных текстах нередко присутствуют звуковые и температурные характеристики ветра (в поэзии чаще говорится именно о холодном ветре); отмечаются те или иные запахи, которые приносит ветер, а также способность ветра быть движущей силой мира [2, с. 223].

Русские фразеологизмы, включающие компонент «ветер», привлекли пристальное внимание китайской исследовательницы М. Сянфей. На фразеологическом материале автор выделяет такие позитивные коннотации ветра, как скорость, силу и свободу («свободен как ветер»). Однако в русских идиомах преобладает негативное восприятие природного явления: ветер предстает как феномен, уничтожающий (развеивающий) ценности; как сила, которая резко вмешивается в неспешный ход жизни человека; как способность человека растратить и потерять то, что ему было дано; и, наконец, как воплощение пустоты [9, с. 113].

Подчеркнем, что названные ученые не ограничивали материал исследования временными рамками. Рассмотрим концепт «ветер» на материале произведений современной русской художественной литературы и публицистики, написанных в период с

1990 по 2023 г. Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка, их общее количество – 177 [4].

Основная характеристика ветра в отобранных примерах – его сила (в прямом и в переносном значении). На нее указывают такие словосочетания, как «сильный ветер» (12 примеров) и «пронизывающий ветер» (5 примеров): *«Холодный и сильный северный ветер срывал и гнал перед собой пожелтевшую листву...»*; *«А потом наступил момент, когда вдруг все стало нипочем: и бесконечный дождь, и пронизывающий ветер...»*. Столь же частым (19 примеров) стало указание на разрушительную силу ветра: *«Вдоль долины дул ветер, который вылизал ее дочерна»*; *«Ветер в клочья рвал нарядные флаги...»*.

В одном из примеров ветер предстает как очищающая сила, способная убрать все наносное, ненужное: *«...ветер медленно сносил в сторону пыльную тучу, обнажая руины сельских строений и легкомысленных людских надежд»*. Сила ветра может выражаться и через олицетворение: *«Было начало марта, ветер задувал сердито»*. Ветер упоминается как сила, противостоящая человеку, мешающая ему достигнуть цели: *«...простой деревенский мужичок наперекор всем ветрам <...> решил создавать национальный музей»*.

Необузданная сила ветра, его неукротимый нрав позволяют уподобить эту стихию дикому животному: *«Поэтому долго за рулем находиться было сложно — на дворе не май месяц, да и в открытом поле ветер дикий, деревенский»*. Чаще всего сила ветра определяется в сравнениях с животным как разрушительная. Однако в одном из примеров эта сила выражается через сравнение уже не с грозным, пугающим диким зверем, а с птицей, которая сама склонна быть испуганной: *«Возвращались по-птичьи пугливые ветра и постилали степь ровным прахом»*.

Столь же распространенной характеристикой ветра остается температура: *«Холодный ветер <...> хлестал по земле то дождем, то липким снегом»*. Указаний на холод ветра в современном материале нашлось 20, в то время как указаний на его тепло – только два: *«Легкий, еще теплый ветер с Реки приятно освежает лицо»*. Примеров наименования ветра жарким в современных контекстах не обнаружено.

Часто отмечается звучание ветра (18 примеров). Это может быть как звук самого ветра (*«Ветер приглушенно стонал...»*), так и звук иного объекта, передаваемый ветром: *«...порыв ветра принес на себе далекое шуриание электрички»*. В отобранном материале выявлены указания не только на температуру, силу или звук ветра, но и на ощущения людей от соприкосновения с ним (3 примера): *«Если бы не тяжелая доха, колючий февральский*

ветер сдул бы картофельщика на трамвайные рельсы»; и даже его вкус (2 примера): «Море отсюда не было видно, но слышен был шум неумолчный, и хорошо дышалось соленым ветром».

Подчас в современном словоупотреблении обозначается направление ветра (8 примеров): *«Настоящим северным ветром, обжигающим ледяным холодом противоречий <...> обдает этот <...> очерк»; «...только в младенчестве и раннем детстве можно восхищаться <...> восточным ветром с отстойных полей города». Этот признак может сочетаться с указанием на температуру (пример приведен выше), или на запах (3 примера): «...ветер несет запахи города...». При этом указание на запах может содержать и положительные, и отрицательные коннотации: «...летевший со стороны леса ветер доносил первые летние запахи, полные невыразимой свежести...»; «Ближе к утру ветер, видимо, переменился, и специфические "ароматы" по дороге на работу начали вдыхать обитатели столичных окраин».*

Подчеркнем, что в современных контекстах ветер способен переносить не только звуки и запахи, но и информацию: *«...ветер разнес строчки песен по просторам России...».* Кроме того, в контексте саркастической реплики ветер может быть указан как источник нежелательной беременности: *«...Ее мать места не находит, постоянно спрашивает: "Скажи, когда родишь? Кто отец ребенка?" А дочка раздраженно отвечает: "Никто! Мне ветром надуло!"».*

В современных контекстах ветер по-прежнему служит воплощением изменчивости мира: *«Ветер перемен был старый и седой. Летал, где хотел и когда хотел, много лет. Сегодня он решил немного развлечься. Когда ты сам себе ветер, никто не может запретить тебе развлекаться». При этом он может быть не только посланником, но и предвестником событий или перемен (5 примеров): «Ветер приглушенно стонал <...>, предупреждая о приближении зимы...»; «Амвросий меня предупредил, что как будто веет неблагоприятный для института ветер...». Эти перемены могут оцениваться и как позитивные, и как негативные: «...в умах началось оживление, "подули свежие ветры"»; «На ветру и холоде в городе еще торговали арбузами, а Караганда плыла и плыла на степных ветрах в будущую зиму...». В последнем примере ветер «переносит» целый город из лета в зиму, выступая одновременно и предвестником, и одной из причин смены времен года.*

Перемены бывают к лучшему или к худшему, но непрерывные перемены могут перерасти в непостоянство. Поэтому сопоставление с ветром используется для характеристики человека как легкомысленного: *«Напустит туману она умела как никто, а ловкостью, с которой уходила от сколько-нибудь серьезных обещаний, напоминала ветер...»*.

Ветер не только приносит перемены, но, как отмечает М. Сяньфей, он способен развеивать ценности. В качестве такой ценности выступают слова: *«Парень усмехнулся, крикнул ей вслед что-то веселое, но его слова унесло в сторону моря и развеяло по ветру»*. При этом ветер может стать и символом забвения или избавить человека от неприятных воспоминаний: *«Да я на переднем крае не часто впадал в растерянность, иначе б погиб. Письмо в клочки и по ветру»*.

Ветер может предстать в роли судьбы, неподвластной человеку: *«...меня занесло прихотливыми ветрами судьбы...»*; *«...бедный паренек <...>, ветром войны и беды занесенный...»*. Соответственно, ветру может уподобляться человек, с чьим характером можно только смириться, но не изменить: *«Было видно, что Алевтина Петровна вовсе его не раздражает: он просто пережидал ее, как пережидают порыв ветра или большую волну, то есть такие явления природы, на которые человек в силу ограниченности своих возможностей не может оказать никакого влияния»*. Человек не может влиять на ветер, но ветер может влиять на человека. Такое влияние также было отмечено в отобранных примерах: *«Он пошел на восток, куда его позвал ветер»*.

В.И. Карасик отмечает, что ветер воспринимается носителями русского языка как природное дыхание мира. Однако современный материал дал только 4 подобных примера из 177, в частности: *«Вдруг, при закрытом окне, будто нежным ветром повеяло, и он задышал легко и свободно, он понял: надо исполнить свой инженерный долг»*.

Однако современные тексты показывают и другие характеристики: метафорическое переосмысление ветра как символа тревоги, сильных душевных переживаний: *«В душе ее вздымались волны, ревел черный ураганный ветер...»*. В этом же примере можно отметить и скрытое сравнение с животным (способность реветь). Другое сравнение – это сравнение с водой. Было найдено три подобных примера: *«Из каменной глыбы дня наружу выходил холод и бродил сумрачно по улицам, проспектам, площадям, на просторах которых волны ветров качали плотами одинаковые порыжевшие шеренги деревьев»*. В двух из отобранных примеров была отмечена влажность ветра, в одном – свобода (1), в двух – пустота (2):

«Дышалось здесь легко и мыслилось просторно, здесь она ощущала себя свободной частицей всего сущего, как птица, как легкое облако или как порыв ветра, вольный бродить где ему вздумается. Больше года, свободное от стрельб <...> глухой жил со своей бабой в поселке городского типа и только навещал для порядка неблизкий полигон, а солдат безвылазно и летом и зимой сидел в голой дикой степи и караулил ветер».

Обратимся к тем фразеологизмам с компонентом «ветер», которые были проанализированы в работе М. Сянфей. Прежде всего, в глаза бросается исчезновение большинства из них из современного корпуса примеров. В материале настоящего исследования присутствует тот, который обозначает способность человека терять материальные ценности – «выкидывать / бросать деньги на ветер»: *«Еще раз тебя прошу, не звони так часто. Только деньги на ветер бросать».* Любопытно, что ныне в качестве такой напрасно растроченной ценности могут выступать не деньги, а слова: *«— Главный врач, называется!.. Тьфу! — Борис Наумович? — спросила тетка Олюшка. — А мне показалось, что это — мужчина серьезный и слов на ветер не бросает».*

Среди современных примеров встретился также фразеологизм «как ветром сдуло» в значении внезапного и незаметного исчезновения: *«Когда процедура была проделана, тут же всю обстановку как ветром сдуло...».* Кроме того, 2 из 177 отобранных примеров содержат поговорку: *«Мне кажется, здесь не тот случай, когда можно отмахнуться: мол, собака лает — ветер носит».*

Примечательно, что в литературных текстах ветер может использоваться для создания пейзажа, характеризуя окружающую среду, в которой находятся герои. Тем самым повествованию придается живость, в общую картину привносится движение: *«Он лежал на краю земли, раскинув руки, как вдоль креста, и ветер теребил его поседевшие волосы, и глаза его были устремлены в небо...»;* *«В десятом часу я подъехал к бензоколонке километрах в тридцати за окружной, и, пока стоял с заправочным пистолетом в руке, было слышно, как ветер выметает из леса листву и она со стеклянным шорохом скользит по зеркальному насту».*

Некоторые из наблюдений, сделанных на новом языковом материале, совпали с выводами В.И. Карасика и М. Сянфей. Однако современный материал отражает и те признаки концепта, которые ранее не отмечались лингвистами. На основании проведенного анализа можно говорить о некотором смещении смысловых приоритетов при общем сохранении ядра семантической структуры.

Таким образом, в современном русском языке «ветер» чаще всего приобретает негативную коннотацию: среди 177 примеров на нее приходится 87 (на положительную коннотацию – 36 примеров, на нейтральную – 54). Этот вывод подтверждается и другими исследованиями. В частности, рассматривая репрезентацию концепта «ветер» в медийных текстах, Н.А. Сегал и А.Я. Мартынюк обращают внимание на преобладание резко негативных коннотаций [5, с. 54]. Исследование, проведенное на другом языковом материале, подтверждает значимость этой тенденции в современной русскоязычной картине мира.

Библиографический список:

1. Воркачев С.Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta: Монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.
2. Карасик В.И. Ветер как лингвокультурный символ в русском и английском языковом сознании // Русистика и компаративистика. 2021. № 15. С. 219-235.
3. Малый академический словарь [Электронный ресурс] / Институт русского языка АН СССР; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1957-1984. Режим доступа: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.06.2024).
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
5. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54), Т. 2. С. 127-131.
6. Сегал Н.А. Концепт ветер в русскоязычных медиатекстах / Н.А. Сегал, А.Я. Мартынюк // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 51-56.
7. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
8. Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. 2008. № 1. С. 8-20.

9. Сянфей М. Стереотипное представление о ветре в русской лингвокультуре // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 9. С. 100–113.

10. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт, 2008. 1239 с.

Sheshunova S.V., Saikina D.A. **The concept «wind» in contemporary Russian fiction and opinion journalism**

The article discusses the representation of the concept of «wind» in modern Russian literature and opinion journalism. The research material was determined by the sampling method based on the National Corpus of the Russian language. The conclusion is made about the shift of semantic priorities while generally preserving the core of the semantic structure of the concept. The results obtained during the analysis are compared with the conclusions of other researchers.

Keywords: linguistic picture of the world, fiction, opinion journalism, concept «wind».

УДК 81'23

Д.О. Мелешко, В.С. Дмитриева

Вербальные и невербальные средства выражения гнева и страха в антиутопиях Джорджа Оруэлла и Олдоса Хаксли

Аннотация:

Проанализирован набор вербальных и невербальных средств выражения эмоций, выступающих маркерами страха и гнева коммуниканта в антиутопиях Джорджа Оруэлла «1984» и Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». В ходе анализа обнаружена корреляция между силой испытываемой эмоции и объемом средств для их выражения. Для достоверного определения эмоции необходимо учитывать не только вербальные и невербальные средства, но и иные экстралингвистические факторы – контекст, характер коммуниканта, его настроение, происхождение и общий эмоциональный фон, в котором он пребывает.

Ключевые слова: гнев, страх, лингвистика эмоций, антиутопия, вербальный язык, невербальный язык, средства выражения эмоций, Джордж Оруэлл, Олдос Хаксли.

Об авторе: Мелешко Диана Олеговна, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры лингвистики; эл. почта: diana.meleshko0@gmail.com

Дмитриева Вероника Сергеевна, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры лингвистики; эл. почта: vernonlechka@mail.ru

Эмоции вошли в объектную область лингвистики в конце XX в. Обнаружив, что человеческие переживания проявляются на различных языковых и неязыковых уровнях, лингвисты заинтересовались этой областью исследования, обнаружив, что существует, по крайней мере, две семиотические системы для выражения эмоций – язык тела и речь. Их взаимосвязь еще не изучена полностью, однако установлено, что первичная семиотическая система – невербальная, превосходит вторичную – вербальную, по скорости, прямоте, надежности, искренности и силе выражения, по степени адекватности их восприятия реципиентом [7].

Вербально эмоции выражаются на нескольких уровнях: лексическом, фонетическом, морфемном, лексическом и грамматическом уровнях. Фонетические средства выражения эмоций на вербальном уровне связаны непосредственно с речью. Например, удлинение гласных звуков, означающее чаще всего удивление, удлинение согласных звуков, в основном показывающее страх или неуверенность говорящего, выделение (деление по слогам), выражающее более широкий спектр эмоций – от удовлетворения до недовольства [6].

Морфемный уровень вербального выражения эмоций связан с эмоциональным потенциалом аффиксов, способных придать слову как негативную, так и позитивную окраску. Наряду с референтным значением («прямая отсылка к вещам или явлениям объективной реальности, обозначение абстрактных понятий и процессов»), слово может иметь и дополнительное, эмоциональное значение, которое сопровождает предмет или становится основным значением слова. Лексические единицы, основное значение которых эмотивно, делятся на эмотивы – слова, называющие эмоции (например, радость, печаль, тоска), и аффективы – слова, выражающие эмоции, не называя их (например, междометия, ругательства, ласки) [5, с. 113]. Эмоциональное значение слова контекстуально, поскольку проявляется в конкретной ситуации во время общения.

При изучении вербальных средств выражения эмоций наблюдается тенденция к объединению морфологического и синтаксического уровней в единый – грамматический. В этой связи в работах А.С. Ильинской введено понятие «грамматический маркер эмоциональности», обозначающий набор морфологических и синтаксических единиц, используемых в языке для выражения эмоциональных оценок и переживаний человека. По мнению автора, к особенностям эмотивной семантики морфологических и синтаксических единиц относятся грамматические единицы, имеющие обобщенное значение, в отличие от лексических [3].

Невербально эмоции выражаются на нескольких уровнях: кинесика – учение о внешнем проявлении человеческих чувств и эмоций (мимика, жестикулирующие движения отдельных частей тела, пантомимика, визуальный контакт, взгляд, частота контакта); просодика – ритмическое и интонационное оформление речи (интонация, темп речи, громкость, высота голоса, паузы); такесика – раздел, изучающий прикосновения в ситуации общения; и, наконец, проксемика – раздел, изучающий расположение людей в пространстве при общении [4].

Не менее важным оказывается вопрос телесных реакций коммуниканта. Так, психолог К.Э. Изард замечает, что эмоции вызывают определенные реакции организма. Мы можем выделить, по меньшей мере, два типа таких реакций: невербальный язык, включающий произвольные движения, совершаемые во время переживания эмоции, а также произвольные физиологические реакции организма (например, учащенное сердцебиение, бледность и др.) [2].

Большинство эмоциональных переживаний человека активируют различные системы организма. Прежде чем осознать, что человек испытывает страх, он должен воспринять положение вещей (1 – восприятие), а затем оценить их опасность (2 – интеллект). Результатом работы первых двух систем будет эмоция (3), проявляющаяся в неконтролируемых физиологических реакциях организма, например, бледности или дрожи (4), и/или в желаниях (5) (убежать или спрятаться). За ними, в свою очередь, следуют контролируемые действия – двигательная (6) и речевая активность (7) [1, с. 42-43]. Таким образом, мы имеем право интерпретировать эмоции по физиологическим проявлениям наравне с вербальными и невербальными, принимая во внимание экстралингвистические факторы.

В рамках нашего исследования для выявления и анализа средств выражения эмоций персонажей на вербальном уровне рассматривается их прямая речь – монологи, диалоги и полилоги. Помимо прямой речи персонажей, рассмотрена авторская речь, которая изобилует лексическими единицами, помогающими читателю понять эмоции персонажа, например, «*That terrible Benito Hoover*»; «*Already the black instant of panic was half-forgotten. Feeling slightly ashamed of himself, he sat up against the bedhead*» [9; 10]. В первом примере с помощью эмоционально окрашенного слова «*terrible*» автор показывает негативное отношение одного персонажа (Бернарда) к другому. Во втором примере видно, как автор описывает эмоции персонажа. Слово «*panic*» помогает нам понять, насколько сильно Смит был напуган, а фраза «*Feeling slightly ashamed*» напрямую говорит об эмоциональном состоянии персонажа.

Конечно, следует относить авторскую речь к вербальным средствам выражения эмоций, поскольку мы узнаем об эмоциональном состоянии или отношении персонажей к другим действующим лицам или ситуации благодаря комментариям автора на вербальном уровне. Несмотря на это, авторская речь, за исключением случаев, когда автор описывает невербальный язык персонажей, выделяется отдельно, чтобы в рамках анализа иметь

возможность проследить за использованием вербальных средств самих персонажей для выражения их эмоций.

Наряду с прямым описанием чувств, мы можем найти лексемы, которые сами по себе не несут в себе никаких специфических эмоций, но оказываются вербализацией мимики, жестов, походки, позы персонажа. Эти лексемы обозначены такими терминами, как «эмоциональные кинемы» (слова с семантикой действия) и «коннотативы» (слова, эмоциональная семантика которых дополнительна или контекстуальна). Например, «*She flung herself into his arms, kissed him*», «*She released his hand and flung it angrily away from her*» [10; 9]. В первом примере невербальный язык выделяется на уровне тактильной коммуникации (объятия и поцелуи, выражающие страсть и любовь). Во втором примере – комбинация прикосновений на уровне тактильной коммуникации и жестовых движений на уровне кинесики. Особенно интересным во втором примере оказывается направление движения жеста (от себя), выражающее раздражение и гнев. Об этом же говорит слово «*angrily*», которое относится к авторской речи, позволяющее читателю дать четкое представление об эмоциональном состоянии персонажа. В этом случае любое описание невербальных средств выражения эмоций будет приравниваться к невербальным средствам выражения эмоций персонажей [8].

В романе «1984» персонажи чаще всего используют невербальный язык для выражения своих эмоций (31%). Это объясняется тем, что для них небезопасно показывать свою радость, гнев или страх. Эмоции разрешены лишь в специально отведенное время минуты ненависти. В основном же, персонажам приходится контролировать не только свою речь, но и мысли. Что касается невербальных средств, то герои чаще всего используют их неосознанно или пытаются сдерживать, поскольку невербальный язык труднее контролировать. По этой причине невербальный язык имеет процентное превосходство над вербальным.

Однако, когда сюжет подходит к кульминации, персонажи чаще проявляют свои эмоции (в основном страх и гнев) с помощью вербального языка, ведь причин скрывать свои истинные чувства больше нет – политическая партия уже заподозрила их в измене и обвинила их в преступлении.

«*But it did exist! It does exist! It exists in memory. I remember it. You remember it*» [10]. Эти слова сказаны во время пыток, поэтому нет необходимости скрывать несогласие главного героя, его возмущение и гнев и ужас. В этом случае наблюдаются вербальные

средства на синтаксическом уровне: повторения «*it did exist, It does exist*», «*I remember it. You remember it*», использование интенсификаторов *does* и *did*. На невербальном уровне заметна восклицательная интонация.

Отметим третий эмоциональный уровень коммуникации. Человек реагирует на внешние раздражители не только с помощью вербального и невербального языка, пытаюсь выразить свое отношение к объекту или ситуации, но и с помощью реакций, которые невозможно скрыть или подделать. Некоторые из них становятся очевидными для окружающих, что позволяет судить об эмоциональном состоянии своего собеседника. Например, «*DON't GO ON!*» said Winston, with his eyes tightly shut. 'Dearest! You've gone quite pale. What's the matter? Do they make you feel sick?» [10]. Джулия отмечает бледность главного героя и закономерно интерпретирует ее как страх. Однако не только фраза главной героини помогает читателю определить эмоции Винстона, но и сам автор, описывая закрытые глаза персонажа «*with his eyes tightly shut*». Закрытые глаза – это невербальный сигнал страха, относящийся к аспекту кинесики.

В антиутопии О. Хаксли мы наблюдаем иную картину: в мире, который описывает автор, выражение эмоций не является чем-то запретным, – именно поэтому главные герои не стесняются выражать свои эмоции как невербально, так и с помощью речи. Чаще всего герои произведения демонстрируют эмоции сразу на двух уровнях – вербальном и невербальном – 32%. Реже они проявляют свои эмоции исключительно с помощью речи (14,6%) или исключительно с помощью невербального языка (20,4%). Однако, как и в антиутопии Дж. Оруэлла, невербально персонажи выражают свои эмоции чаще, чем вербально.

«*Tomakin!*» She ran forward, her blanket trailing behind her, threw her arms round his neck, hid her face on his chest» [9]. В этом примере нежные чувства и радость проявляются через использование суффикса *-kin-* в слове «*Tomakin*» на морфемном уровне вербального языка. Те же эмоции подтверждаются невербальными средствами – объятиями «*threw her arms round his neck, hid her face on his chest*», которые относятся к тактильному аспекту общения. Мы видим, что средства выражения эмоций на вербальном и невербальном уровнях не противоречат друг другу, все служит для выражения любви и радости.

При выражении страха чаще всего используются слова с эмоциональной окраской (11,7%), эмотивы (9,1%), просодические элементы, такие как интонация (6,5%) и громкость

(6,5%), а также повтор (6,5%). Но главный интерес представляют не сами средства, а их совокупность при выражении определенных эмоций.

«*And it was no longer the same cramped, awkward handwriting as before. His pen had slid voluptuously over the smooth paper, printing in large neat capitals—DOWN WITH BIG BROTHER DOWN WITH BIG BROTHER DOWN WITH BIG BROTHER DOWN WITH BIG BROTHER DOWN WITH BIG BROTHER*» ... «*For a moment he was seized by a kind of hysteria. He began writing in a hurried untidy scrawl: they'll shoot me i don't care they'll shoot me in the back of the neck i dont care down with big brother they always shoot you in the back of the neck i dont care down with big brother*» [10].

В примерах из антиутопии Дж. Оруэлла страх и ярость выражаются невербально с помощью почерка. Мы отнесли это средство к невербальному языку, поскольку в этом случае текст не может передать характер и тип почерка персонажа, кроме как описательно, как и в случаях с другими невербальными средствами. Почерк – это визуальная характеристика текста, точно так же, как жесты, позы или выражения лица выступают визуальными компонентами движений человеческого тела.

Эмоции выражаются не только с помощью ровного почерка и заглавных букв, которые делают особый акцент на словах персонажа и показывают интенсивность его эмоций на невербальном уровне, но и с помощью многократного повторения фразы «*DOWN WITH BIG BROTHER*» на вербальном синтаксическом уровне.

Во втором примере для выражения страха на вербальном уровне используется синтаксическое повторение фраз «*they'll shoot me*», «*in the back of the neck*», «*I dont care*» и «*down with big brother*», а также авторский эмотив «*hysteria*», дополняющий средства, используемые самим персонажем. Все это показывает читателю истерическое состояние Уинстона, который бессознательно выражает свою ярость и страх. Ошибки в письме – отсутствие запятой и апострофа в словах «*they'll*», написание местоимения «*i*» с маленькой буквы – сообщают об интенсивности выражаемой эмоции, ведь главный герой напуган тем фактом, что он сознательно нарушает закон, его переполняет ненависть и ярость по отношению к политической системе, сделавшей его несчастным.

«*Help!*» *several times, more and more loudly so as to give himself the illusion of helping. «Help! Help! HELP!»* [9]. В этом примере страх выражается на двух уровнях. На вербальном уровне – с помощью лексического повтора слова «*Help*» и многоточия. На невербальном уровне – с помощью просодических элементов, таких как восклицательная интонация и

громкость голоса. Мы можем догадаться, что персонаж повышает тон не только с помощью авторской фразы «*more and more loudly*», но и с помощью заглавных букв, которыми написано последнее слово. Благодаря этим средствам становится ясно, что персонаж произведения напуган – он боится, что его друзья будут убиты разъяренной толпой.

Нередко авторы добавляют описание физиологических реакций организма, таких как дрожь и бледность. Например, «*DON't GO ON!*» said Winston, with his eyes tightly shut. «*Dearest! You've gone quite pale. What's the matter? Do they make you feel sick?*». Страх персонажа перед грызунами проявляется через его бледность на физиологическом уровне, закрытые глаза, восклицательную интонацию, громкость, которая показана автором заглавными буквами «DON'T GO ON!» на невербальном уровне.

Чаще всего авторы описывают страх персонажей сочетанием нескольких просодических элементов невербального уровня, таких как громкость голоса и восклицательная интонация, а также использованием вербальных средств повторения, лексических или синтаксических. Для выражения гнева персонажей чаще всего используются такие средства, как повтор (9,3%), бранные слова (10,7%), авторские эмотивы (9,3%), слова с эмоциональной окраской (10,7%), громкость (8%), а также различные действия персонажей, например, хлопанье дверью, порка и другие.

«*Oh, be careful. My shoulder! Oh!*» and she pushed him away, hard. His head banged against the wall. «*Little idiot!*» she shouted; and then, suddenly, she began to slap him. Slap, slap...» [9]. В этом примере сочетание таких средств, как восклицательная интонация, шлепки «*begin to slap him. Slap, slap*», громкость, которую автор показывает, используя глагол «*shouted*» на невербальном уровне и аффективное «*Oh*», ругательство «*idiot*», авторский лексический повтор «*Slap, slap*», демонстрирующий повторяемость действий и интенсивность эмоций персонажа, многоточие на синтаксическом уровне «*My shoulder*», «*Little idiot*» на вербальном уровне служат для выражения гнева персонажа. Будучи избитой дикарями, Линда (мать главного персонажа) сорвала свою злость на сыне, предпринявшем попытку обработать ее раны.

Сочетание громкости и эмоционально окрашенных слов и/или ругательств довольно распространено для выражения гнева. Это подтверждается и следующим примером: «... *this monstrous practical joke,*» the Director shouted. Red in the face...» [9]. Отметим сочетание физиологической реакции организма – румянца «*Red in the face*», невербального – громкости, выраженной глаголом «*shouted*», и вербального языка – эмоционально

окрашенного слова «*monstrous*». Интересно, что в выбранных антиутопиях румянец чаще всего используется для выражения другой эмоции – смущения. Однако для выражения гнева средство использовалось всего дважды.

Таким образом, гнев, как и страх, часто выражается сочетанием невербальных просодических элементов – громкостью голоса, восклицательной интонацией (часто, но не всегда) и вербальными средствами на лексическом уровне – ругательствами, эмоционально окрашенными словами или повторами слов. Анализ найденных примеров позволяет заключить, что интенсивность эмоций напрямую влияет на число уровней коммуникации и средств выражения эмоций, которые использует говорящий.

«*The sweat started out on Winston's backbone. A horrible pang of terror went through him*»; «*That's the one you ought to be taking, not me!*» he *shouted*. «*You didn't hear what he was saying after they bashed his face. Give me a chance and I'll tell you every word of it. HE'S the one that's against the Party, not me.*» The guards stepped forward. *The man's voice rose to a shriek. 'You didn't hear him!' he repeated*» [10].

В первом примере главный герой напуган, но объективной опасности для его жизни и здоровья пока нет. Страх выражен только на физиологическом уровне – «*The sweat started out on Winston's backbone*». Речь автора помогает распознать эмоцию персонажа, поскольку он использует эмоционально окрашенное слово «*terrible*» и эмотив «*terror*». Во втором случае представлено большее разнообразие средств выражения эмоций. На вербальном уровне наблюдается синтаксический повтор «*not me*», «*You didn't hear*» и эмоционально окрашенное слово «*bashed his face*». На невербальном уровне – логическое ударение, которое отображается в тексте заглавными буквами «HE'S», восклицательная интонация, громкость, выраженная глаголом «*shouted*», высота тона, которая показана фразой «*voice rose to a shriek*». Говорящий испытывает еще больший страх, поскольку знает, что его забирают для пыток. И этот более интенсивный страх подтверждается большим числом уровней и средств выражения эмоций.

При анализе найденных примеров мы обратили внимание на похожие случаи выражения одной и той же эмоции, однако единой формулы для выражения определенных эмоций выявлено не было. В то же время нельзя утверждать, что «наиболее частые» инструменты выражения эмоций можно считать «универсальными». Чтобы выразить свои переживания, коммуникант может комбинировать средства выражения эмоций, но часто выбор этих средств происходит спонтанно и зависит от многих факторов: характера и

особенностей общения, настроения, ситуации, собеседников и т.д. Вместе с тем чем сильнее эмоции, испытываемые говорящими, тем больше средств они используют для их выражения. Эмоцию нельзя определить только по вербальным и невербальным средствам – необходимо учитывать иные экстралингвистические факторы, исходя из контекста, характера коммуниканта, настроения, происхождения, политической ситуации, описываемой в произведении, и многого другого.

Библиографический список:

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С 37-67.
2. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб: Питер, 2006. 464 с.
3. Ильинская А.С. Грамматические маркеры эмоциональности в английском языке: специальность 10.02.04 - германские языки: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Барнаул, 2007. 19 с.
4. Поваляева М.А. Невербальные средства общения / М.А. Поваляева, О.А. Рутер. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 352 с.
5. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
6. Гох О.В. Средства субъективного выражения в английском и русском интернет-языках: опыт сопоставительного изучения // Известия Коми научного центра УРО РАН. 2011. № 1(5). С. 78-82.
7. Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29-43.
8. Шупин В. Выражение эмоций на лексическом уровне в русском языке (на материале произведений И.С. Тургенева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12(54). С. 38-40.
9. Huxley A. Brave New World [Electronic resource] // Huxley.net. Available at: <https://www.huxley.net/bnw/one.html> (accessed date: 17.03.2025).
10. Orwell G. 1984 [Electronic resource] // Planetebook. Available at: <https://www.planetebook.com/free-ebooks/1984.pdf> (accessed date: 17.03.2025).

Meleshko D.O., Dmitrieva V.S. Verbal and non-verbal means of expressing anger and fear in the dystopia of George Orwell and Aldous Huxley

The article is devoted to the analysis of a set of verbal and non-verbal means of expressing emotions, acting as markers of fear and anger of the communicant in George Orwell's dystopias «1984» and Aldous Huxley's «Brave new World». During the analysis, a correlation was found between the strength of the emotion experienced and the amount of funds for their expression. To reliably determine an emotion, it is necessary to take into account not only verbal and non-verbal means, but also other extralinguistic factors – the context, the nature of the communicant, his mood, origin and the general emotional background in which he arrives.

Keywords: wrath, fear, linguistics of emotions, dystopia, verbal language, non-verbal language, means of expressing emotions, George Orwell, Aldous Huxley.

УДК 314.7

К.Р. Галямова

Миграционная мотивация студентов технических вузов

Аннотация:

Представлены результаты исследования миграционных настроений студентов технических вузов города Москвы в условиях технологического лидерства. Рассмотрены факторы миграции молодых специалистов как внутри России, так и в другие страны. Особое внимание уделено анализу представлений о перспективности получаемой специальности, выявлена взаимосвязь таких представлений с миграционными планами студентов.

Ключевые слова: миграционные настроения, факторы миграции, миграционная мотивация, студенты технических вузов, инженерное образование.

Об авторе: Галямова Камилла Ринатовна, МГТУ им. Н. Э. Баумана, студент кафедры социологии и культурологии; эл. почта: kam-gal03@mail.ru

Научный руководитель: Сазонова Анна Львовна, МГТУ им. Н. Э. Баумана, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии; эл. почта: an-netic@yandex.ru

Технологическое лидерство определено указом Президента Российской Федерации как одна из ключевых национальных целей развития России [5]. Оно включает в себя стремление к инновациям, развитие высокотехнологичных отраслей и укрепление конкурентоспособности страны на мировом рынке. Достижение этой цели требует привлечения к задачам технологического прогресса инженерно-технических специалистов высокой квалификации, обуславливая рост престижа и востребованности высшего инженерного образования.

Студенты – это экономический и демографический потенциал государства, и их миграционные настроения могут иметь серьезные последствия для социально-экономического развития страны. Сегодня сформировался дефицит квалифицированных

кадров в ряде отраслей, включая технические специальности, что создает для студентов большие возможности выбора рабочих мест и профессионального роста. В этих условиях представляется небезынтесным выявление причин выбора молодыми людьми высшего учебного заведения и будущей профессии инженерной направленности [1]. Не менее актуальным, особенно в контексте роста конкуренции с зарубежными рынками труда, становится анализ миграционных планов студентов технических вузов после окончания обучения, связанных с поиском лучших возможностей для трудоустройства и карьерного роста [2; 3].

С целью изучения миграционных настроений студентов технических вузов г. Москвы в октябре 2024 г. было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие студенты МГТУ Н.Э. Баумана, МАИ, а также РУТ (МИИТ). Объем выборочной совокупности составил 314 респондентов. Метод исследования – онлайн-опрос. Миграционные настроения определялись как желание изменить место проживания внутри страны или эмигрировать из страны на временную работу, учебу или постоянное место жительства [4].

Анализ причин выбора технического вуза молодыми людьми представлен в таблице 1. По данным таблицы можно отметить, что при выборе вуза студенты чаще всего руководствуются имиджем вуза (52,9%), советом друзей или родителей (45,2%), качеством образования (45,2%), а также возможностью учиться на бюджетной основе (42,7%). При рассмотрении ответов респондентов каждого учебного заведения в отдельности становится очевидным, что студенты МГТУ им. Н.Э. Баумана выбирали вуз в соответствии с его имиджем (72,6%), качеством образования (62,9%), престижем выбранного направления подготовки (59,7%) и возможностью учиться на бюджетной основе (58,1%). Для студентов РУТ (МИИТ) ключевыми факторами оказались стоимость обучения (57,9%), рекомендации друзей и близких (49,1%). Обучающиеся в МАИ отмечали возможность учиться на бюджетной основе (81,6%) и имидж вуза (57,9%).

Таблица 1. Факторы выбора вуза, в %

Варианты ответа	МГТУ им. Н.Э. Баумана	РУТ (МИИТ)	МАИ	Всего
Имидж вуза	72,6	28,1	57,9	52,9

Престиж выбранного направления подготовки (специальности)	59,7	21,1	23,7	36,9
Высокая квалификация преподавателей и ученых вуза, наличие именитых ученых	37,1	19,3	31,6	29,3
Возможность учиться на бюджете	58,1	0	81,6	42,7
Стоимость обучения	1,6	57,9	2,6	22,3
Качество образования	62,9	31,6	36,8	45,2
Налаженные связи вуза с работодателями	25,8	21,1	15,8	21,7
Отсрочка от армии	25,8	26,3	31,6	27,4
Привлекал город, где находится вуз	37,1	24,6	23,7	29,3
Близость учебного заведения к месту проживания	12,9	29,8	26,3	22,3
Материально-техническое обеспечение процесса обучения	21	1,8	15,8	12,7
Рекомендации друзей, родителей	45,2	49,1	39,5	45,2
Другое	3,2	8,8	5,3	5,7

В этой связи важно выяснить, удовлетворены ли студенты технических вузов своим выбором учебного заведения и направлением подготовки. По данным таблицы 2 можно сделать вывод, что основная часть респондентов удовлетворена выбором учебного заведения и направлением подготовки (49,7%), что свидетельствует о том, что их ожидания оправдались. 17,7% респондентов МГТУ им Н.Э. Баумана и 15,8% респондентов МАИ задумываются о смене специальности в своем вузе, представители РУТ (МИИТ) сменили бы вуз, оставшись на той же специальности (14%).

Таблица 2. Удовлетворенность выбором учебного заведения и направлением подготовки, в %

Варианты ответа	МГТУ им. Н.Э. Баумана	РУТ (МИИТ)	МАИ	Всего
В другой вуз и на другую специальность	9,7	10,5	7,9	9,6

В другой вуз, но по той же специальности	9,7	14	10,5	11,5
В этот же вуз и на ту же специальность	51,6	52,6	42,1	49,7
В этот же вуз, но на другую специальность	17,7	7	15,8	13,4
Затрудняюсь ответить	11,3	14	13,2	12,7
Не поступал(а) бы вообще	0	1,8	10,5	3,2

Востребованность специалистов инженерного профиля не вызывает сомнений, поскольку именно эти профессии играют ключевую роль в разработке и создании технологий, продуктов и инфраструктурных объектов, направленных на решение сложных технических задач. Студенты это понимают, поэтому удовлетворены своим выбором.

Почти половина опрошенных респондентов из МГТУ им. Н.Э. Баумана (47%) планируют в будущем работать по специальности, и лишь треть представителей МАИ (30%) и РУТ (МИИТ) (33%) указали этот вариант ответа. Больше всего сомневающихся в своих планах будущего трудоустройства по получаемой специальности обнаружено среди студентов РУТ (МИИТ) – 44%, на втором месте – МАИ (33%), менее всего – 23% – среди опрошенных бауманцев (Рис. 1).

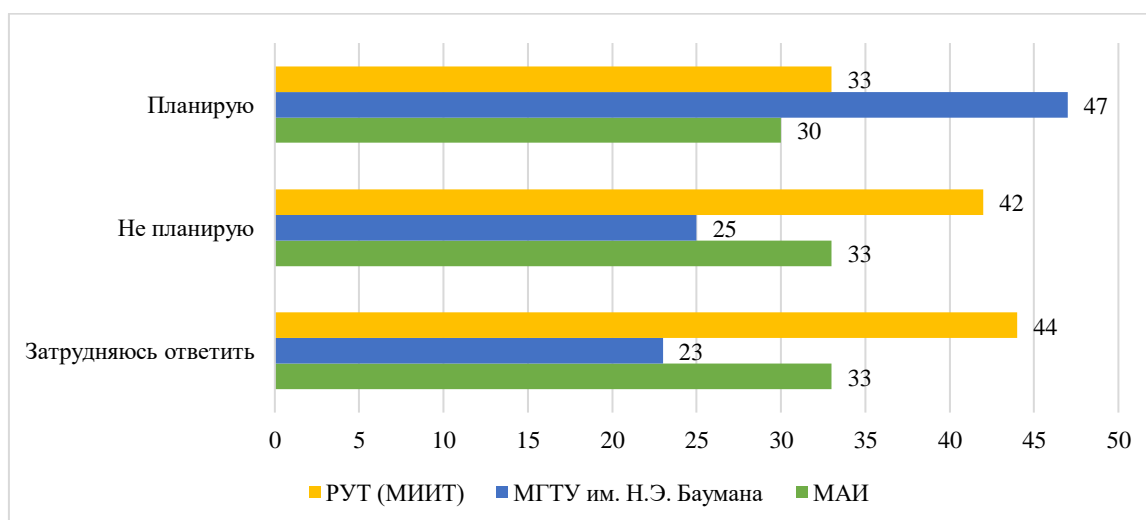

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Планируете ли Вы работать по специальности?», в %.

Студенты МГТУ им Н.Э. Баумана оценивают свои перспективы трудоустройства по специальности выше, чем представители других учебных заведений. Около половины

респондентов высоко оценивают перспективы трудоустройства (43,5%), около четверти считают, что их возможности «скорее высокие». Респонденты из МАИ также положительно смотрят на перспективы трудоустройства по выбранному направлению подготовки, однако, высоко свои возможности оценивают лишь 21,1% опрошенных, а скорее высоко – около трети (28,9%). Представители транспортного вуза, в основном, дают оценку не ниже среднего, но 3,5% ответивших считают, что у них меньше шансов на трудоустройство по специальности («скорее низко») (Рис. 2.).

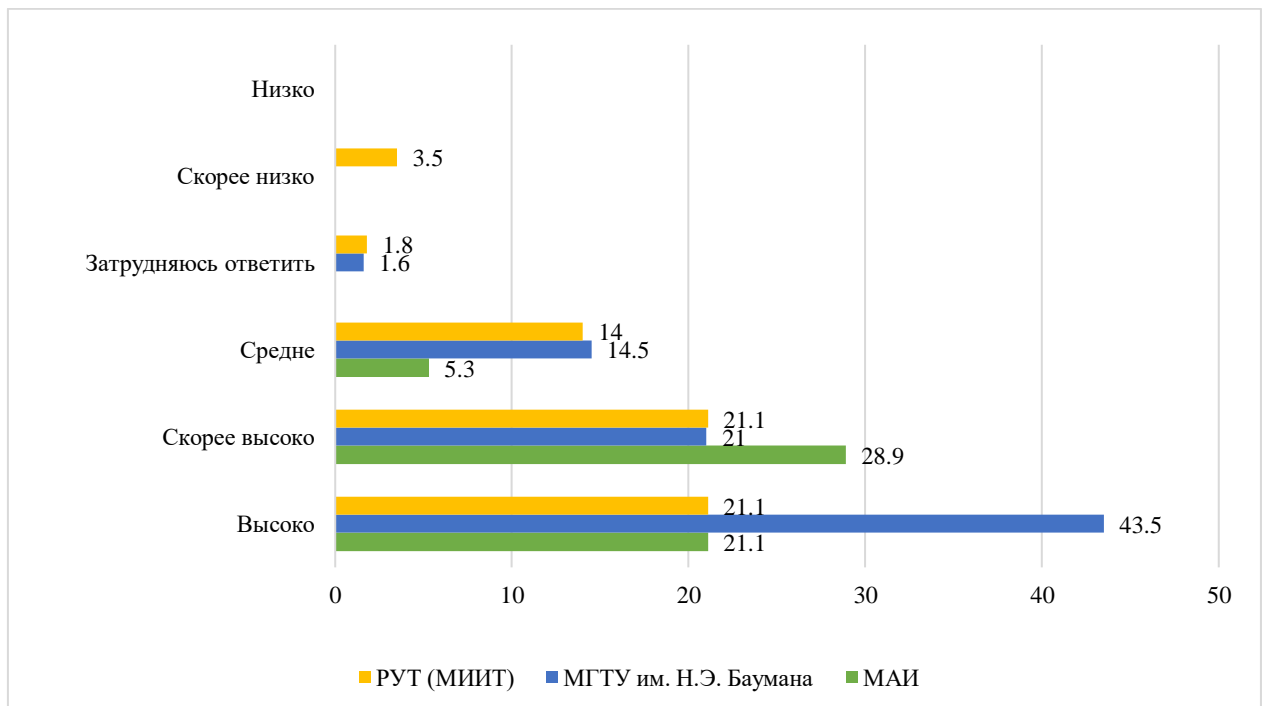

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете свои перспективы найти работу по специальности после окончания вуза?», в %.

Поиски работы и уверенность в трудоустройстве напрямую влияют на миграционные настроения будущих инженеров. Когда студенты заканчивают учебное заведение, их ключевым вопросом становится поиск работы. В том случае, если молодые люди высоко оценивают свои перспективы на местном рынке труда, то, чаще всего, остаются в своем регионе или стране. Однако, сталкиваясь с трудностями в поиске работы, чувствуя неуверенность в своих шансах на трудоустройство, миграция начинает рассматриваться ими в качестве поиска лучших возможностей. Рассмотрим миграционные настроения студентов технических вузов Москвы и факторы, которые на это влияют (Рис. 3).

Рис. 3. Планы студентов после выпуска, в %.

Подавляющее большинство респондентов не планируют переезжать куда-либо после окончания вуза (70%). Это свидетельствует о том, что столица предлагает широкий спектр возможностей для трудоустройства, культурного досуга, образования и развития карьеры. Многие студенты находят здесь комфортные условия для жизни и работы, что снижает миграционную мотивацию. Москва – крупнейший город России с огромным количеством компаний, стартапов и предприятий различных отраслей. Здесь сосредоточены ведущие университеты, научные центры и технопарки, создаются благоприятные условия для профессионального роста, что привлекает большинство выпускников технических вузов.

Вместе с тем студенты, задумывающиеся о переезде, также отметились в опросе. Факторы их миграционной мотивации представлены на Рис. 4.

Рис. 4. Факторы миграционной мотивации студентов, в %.

Стремление студентов переехать в другой регион (город) после выпуска связано преимущественно с высоким спросом на специалистов профиля обучения в других регионах и потребностью в путешествиях и смене обстановки. Респондентов, которые хотят вернуться в родной город, привлекает спрос на специалистов их профиля, улучшение условий проживания и получение больших возможностей для трудоустройства. Намерение уехать за границу вызвано желанием получения более высоких доходов и стремлением сменить обстановку и путешествовать.

На Рис. 5 показано, как именно желание работать по специальности влияет на миграционные настроения студентов московских технических вузов.

Рис. 5. Желание работать по специальности и миграционная мотивация, в %.

Вместе с тем большинство студентов, задумывающихся о переезде, не планируют работать по специальности в будущем. Это говорит о том, что переезд рассматривается ими как шанс сменить сферу деятельности и найти больше возможностей для карьерного роста в иных профессиональных областях. Значимым параметром, влияющим на принятие решений о переезде, выступает материальное благосостояние респондентов: более обеспеченные студенты не склонны задумываться о переезде и смене места жительства, в отличие от менее обеспеченных (Рис. 6).

Рис. 6. Влияние материального благосостояния на стремление к переезду, в %.

Таким образом, миграционные настроения студентов технических вузов г. Москвы зависят от множества факторов, включая карьерные возможности, качество образования и условия жизни. Несмотря на привлекательность зарубежных рынков труда, многие студенты выбирают оставаться в России благодаря государственной поддержке высокотехнологичных секторов и развивающейся научной среде. Поддержка отечественной экономики и улучшение условий трудоустройства для молодых инженеров снижают отток востребованных специалистов, что, в свою очередь, способствует развитию технологического лидерства России.

Библиографический список:

1. Куконков П. И. Локально-территориальные факторы миграционных настроений в студенческой среде / П. И. Куконков, С. В. Устинкин // Власть. 2024. №5. С. 192-203.
2. Сазонова А. Л. Территориальные детерминанты миграционных установок российского студенчества (по материалам Всероссийского проекта РОС) // Развитие территории в условиях современных вызовов: (X Рязанские социологические чтения): Материалы Национальной научно-практической конференции. Рязань, 2020. С. 179-184.
3. Троянская М. А. Миграция населения: понятие, виды и значение для территорий // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. №2 (35). С. 356-360.
4. Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 4 марта 2024 г. N 10 ст. 1373.
5. Быков М. Ю. Университетская среда в оценках студенчества: кейс Российского университета транспорта / М. Ю. Быков, В. Я. Красниковский, Н. Ю. Матвеева, Е. В. Ярина // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 7. С. 117-134.

Galyamova K.R. Migration motivation of students of technical universities

The article is devoted to the analysis of the results of the study of migration attitudes of students of technical universities in Moscow. The author describes the factors of migration of young professionals both within the country and abroad. Special attention is paid to the analysis of ideas about the prospects of the received specialty, the relationship of this relationship with the migration plans of students is revealed.

Keywords: migration moods, migration factors, migration motivation, students of technical universities, engineering education.